

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Майна

синих озер

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи

60-х

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

Андрей Анатольевич Посняков
Тайна синих озер
Серия «Детектив-Ностальгия»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849064
ISBN 978-5-04-181488-5

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

1963 год. В небольшом северном городке жестоко убита молодая учительница. Подозрение падает на школьного конюха, следы которого обнаружены на месте преступления. Однако следователь Владимир Алтуфьев сомневается: у вечно пьяного контуженного фронтовика не было мотива убивать несчастную женщину. Может, это месть на почве ревности? Но у всех подозрительных ухажеров оказывается алиби. А что, если кровавая расправа связана со школьным музеем, в котором работала погибшая и где хранились архивные документы времен войны?.. Новая пролитая кровь подтверждает самые мрачные предположения молодого следователя...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	40
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Посняков

Тайна синих озер

Художник – Алексей Дурасов

© Посняков А. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Пролог

Окрестности Озерска, октябрь 1943 г.

Вечерело. Низко над лесом стелились темно-синие тучи, дождь – мелкий и нудный – то переставал, то начинался вновь. Дорога давно раскисла и превратилась в грязное непроходимое месиво, сквозь которое мужественно продирался вечный труженик вермахта, грузовик «Опель Блиц» с выкрашенной в сине-серый цвет – фельдграу – кабиной и поцарапанным кузовом.

Продирался, но все-таки застрял! Застрял, завыл двигателем, но... безуспешно.

– Доннерветтер! – выругался сутулый майор в голубовато-серой шинели и выпрыгнул из кабины. Впрочем, судя по петлицам с грозными белыми рунами, это был не майор, а штурмбаннфюрер СС.

Узкое бледное лицо, ввалившиеся от усталости глаза, щетина... Не до бритья сейчас, нынче не сорок первый и даже не сорок второй – конец сорок третьего! Русские прут, как паровой каток, не дают покоя ни днем ни ночью. А ведь как все хорошо начиналось! Эх... Думали, новый сорок второй год в Москве встретить. Встретили... тьфу!

– Хельмут, Ханс!

Услышав приказ, из кузова выпрыгнули солдаты. Всего-то двое. Да больше там и не было. Был еще шофер. Про него штурмбаннфюрер не позабыл:

– Выходите, поможете... Я сам сяду за руль.

Уселся, выжал сцепление... Вновь завыл двигатель, завертелись в грязи колеса... Застрявший в непролазной грязи грузовик толкали трое. Ну-ну!

– Так. Нарубите лапника, живо! – высунувшись из кабины, распорядился эсэсовец.

Солдаты бросились к елям. Еще пуще припустил дождь.

– Пошевеливайтесь, если не хотите заночевать в лесу, – угрюмо напутствовал их штурмбаннфюрер.

Проводив взглядом солдат, он вытащил из-за пазухи карту. Эта грунтовка вела из Озерска на Тяньск и далее – к Петербургу. Туда было нельзя. Не доезжая Тяньска, нужно повернуть к северу, там дорога к большой реке Свирь, там союзники – финны. Вообще-то до Свири есть еще одна дорога – вот прямо отсюда... Только по такой распутице не проедешь, увы...

А может, бросить к черту все эти ящики с документами и пробираться пешком? Не-ет, герр Брюкнер, о чем это вы? Тогда уж лучше было бы отсидеться в бункере, на болоте. Там и оружие, и патроны, и гранаты тоже. Однако о бункере знает агент! Связной, тот, что курирует своего человека у партизан. Прямо сказать – тот еще куратор! Юноша исполнительный, но безынициативный.

Эсэсовец неожиданно улыбнулся внезапно пришедшим в голову мыслям. Только улыбка вышла какая-то невеселая, кривая. Черт с ними, с агентами... Унтерменши... – пусть уж теперь сами как-нибудь... А вот ящики бросать никак нельзя. В них – картотека, агентурные донесения, адреса и ключики связных – все! Неизвестно еще, как дальше война сложится, а с таким ценным грузом нигде не пропадешь! Главное сейчас – выбраться.

Сплюнув, Брюкнер выбрался их кабины и сурово посмотрел на копошащихся с лапником солдат:

– Эй, скоро вы там?

– Стараемся, господин штурмбаннфюрер!

– Плохо стараетесь! А ну поднажали...

Офицер вновь уселся за руль. Завыл, заурчал двигатель...

Трое вышли на лесную опушку. Двоим – лет двадцать пять – тридцать, один – совсем еще молодой, безусый. Одеты примерно одинаково – в ватных телогрейках с военными портупями, в сапогах. Все вооружены: пистолеты, трофейные немецкие автоматы MP-40, те самые, что кличут «шмайсе-рами».

Тот, что помоложе, вдруг затаил дыхание, прислушался, даже потянул носом воздух, словно вышедший на охоту волк. Обернулся к своим:

– Слышите? Вроде как машина!

Его напарники быстро переглянулись:

– Точно – машина. А чьи тут машины могут быть?

– Да только немецкие! Вдарим, Иван, а?

Покусав губу, Иван опустил автомат, вслушался:

– Судя по звуку – грузовик. Видать, в грязи застряли.

– Так и поделом, сукам фашистским! – зло прищурился молодой. – Небось, награбленное вывозят. Товарищ старший лейтенант, Иван Аркадьевич, догоним, а?

– Машину – на своих двоих?

– Так, может, не выбрались еще?

– Ну... черт с тобой – глянем. Только осторожно – там полно фрицев может быть.

Прибавив шагу, партизаны двинулись по опушке и вышли на раскисшую от дождей дорогу.

– Вот он! Грузовик! Черт... выехали... Вот уж, мать немецкую...

Выругавшись, парнишка выскочил прямо на дорогу.

– Куда ты! – старший лейтенант тут же рванул за ним, схватил за руку.

С борта удаляющегося грузовика рыкнула пулеметная очередь.

Парнишка нелепо взмахнул руками и кувырнулся в кювет, словно споткнулся. Старлей схватился за локоть – левую руку словно пронзило копьем или, скорее, ударило оглоблей!

– Ах, ты ж черт... Кольша, ты как?

– Нормально, товарищ старшей лей...

– Догнали грузовичок, – зло сплюнул третий. – Ладно, бу-

дем уходить. Вань?

– Да локоть...

– Хреново. Рука бездвижной может остаться. Давай-ка перевяжем.

– Сперва Кольшу.

– Давай. О, ё-моё! Нога-то! Кровищи! Ты, Коль, лежи, не двигайся, я сейчас. А грузовик... Там дальше дорога-то заминирована. Далеко не уедут!

«Опель Блиц» цвета фельдграу выбрался на более-менее приличную грунтовку и покатил со скоростью километров сорок в час. Солдаты – да и штурмбаннфюрер Брюкнер – заметно повеселели. Усевшись обратно за баранку, шофер даже принялся насвистывать что-то из репертуара знаменитой певицы Ильзе Вернер. Какое-то танго... или пасодобль...

Только недолго он свистел. Что-то вдруг ударило прямо под кузов! Грузовик с адским грохотом подбросило, казалось, прямо в небо.

Когда Брюкнер пришел в себя, вокруг валялись одни обломки да окровавленные ошметки. В голове шумело. Руки-ноги сделались ватными. Покачиваясь, штурмбаннфюрер все же поднялся на ноги и, вытирая со лба кровь, глянул на показавшееся из-за облаков солнце – маленькое, желтое, похожее на мячик.

– Однако повезло тебе, Курт... Как говорят русские – в рубашке родился.

Эсэсовец криво усмехнулся и вдруг услышал быстро приближавшийся треск мотоцикла, точнее – сразу нескольких. Серо-зеленые БМВ с колясками! Пулеметы, солдаты в плащах и касках. На шеях – бляхи на цепочках с ленточкой и орлом! Фельджандармы! Боже, как повезло...

– Эй, эй, стой! – со всей мочи закричал штурмбаннфюрер. – Стойте, говорю! Мины!

Похоже, услышали. Остановились.

Выбравшись из седла, бравый унтер – похоже, опытный вояка – подобрался по самой обочине к обломкам грузовика:

– Вахтмейстер Фогт. Фельджандармерия. Вы в порядке, герр штурмбаннфюрер?

– Да где уж тут – в порядке! Ящики... документы... Соберите все, что сможете... Быстро! Тут еще русские в лесу.

Что смогли, собрали. Далеко не все. Однако штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер и правда в рубашке родился. Повезло. И не только в этот раз...

Глава 1

деревня Койвола – Озерск, май 1963 г.

– Ну Аркадьич, ну ты пойми, ну... – тракторист колхоза «Путь Ильича» Семен Крокотов, не старый еще – лет сорока пяти – мужик с круглым красным лицом и трехдневной щетиной, помял в руках замасленную кепку и, опустив глаза, виновато глянул на собственные грязные сапоги. Нет, сапоги-то новые, и кирза хорошая, да вот – грязь... Так а где ее в деревне нету, коли два дня кряду дождало и только сегодня с утра распогодилось?

– Ну Иван Аркадьевич... Ну ты... ну... Я ж это...

– Вот именно – ты ж... Ты у нас кто? Тракторист! А я – председатель. И у меня за все голова болит!

Иван Аркадьевич поднялся из-за стола, заваленного табелями, скоросшивателями и прочим канцелярско-конторским хламом, и, осторожно поправив бронзовый письменный прибор в виде знаменитой скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница», исподлобья глянул на посетителя.

Пожилой, с недвигающейся левой рукой – рана еще с войны, – председатель колхоза Иван Аркадьевич Чайкин был на селе уважаемым человеком. Да не только на селе, но и в райцентре, в Озерске. Еще бы – фронтовик, партизан с два-

дцатилетним партийным стажем, да еще и колхоз за три года из отстающих... ну, не прямо чтоб сразу в передовики, но все же из ямы вытащил, за что второй секретарь райкома по сельскому хозяйству товарищ Сатин выразил ему личную благодарность. Ну и грамоту, конечно, выдали – «За вклад в развитие...». Вон она, на стене висит, рядом с портретом товарища Хрущева.

– Ну, это... Аркадьич...

Виноватился Семен – видно было. Потому как человек он совестливый, не какой-нибудь там городской шабашник, а свой, деревенский. А раз просил – значит, очень надо было.

– Эх, быстро вы трудодни позабыли. – Иван Аркадьевич вздохнул, пригладил остатки волос и, одернув синий пиджак с орденскими планками, уселся обратно на стул. Седые усы его уныло повисли, вытянутое морщинистое лицо на миг сделалось каким-то плаксивым, женским. Но тут же вновь стало строгим:

– Тебе зачем отгулы-то?

– Говорю же, сын в институт хочет... Надо в Ленинград ехать, родичей проведать. Что там да как...

– Дак в общежитие же можно.

– Да будет ли еще общежитие-то?

– Эх, Семен, Семен, без ножа ты меня режешь... В самую страду!

– Так пахоту-то закончили... Уж и проборошили.

– А сенокос?

– Побойся бога, Аркадьич! До сенокоса-то еще недели две как раз и будет. Я к тому времени вернусь.

Тракторист вытер выступивший на лбу пот: на левом запястье его было наколото небольшое сердечко и две буквы – «И» и «М». Имя давней зазнобы, грехи юности...

Стоявший на несгораемом шкафу, слева от портрета товарища Хрущева, репродуктор вдруг захрипел и разродился гнусавым голосом диктора:

– А теперь – концерт по заявкам радиослушателей. Для знатной доярки Ирины Матвеевны Кузяевой из колхоза имени Девятнадцатого партсъезда передаем песню Лидии Руслановой...

– Вот и с фермы навоз вывозить некому... – убавив звук, посетовал председатель. – В энтээсе-то тебя бы не отпустили!

Семен Крокотов лет семь проработал тем же трактористом на машинно-тракторной станции, которая обслуживала пять местных колхозов и два совхоза. Вот уж там – да... там работы хватало: здесь пахоту кончишь, давай в соседний колхоз, потом – в совхозы... Только поздней осенью и отдыхали. А вот когда МТС ликвидировали да технику по колхозам-совхозам раздали, тогда полегче стало... трактористам-то. Председателям же – только лишняя головная боль! ГСМ достань, запчасти выбей, механиков толковых найди...

– В энтээсе – да-а... – согласно кивнув, Крокотов спрятал улыбку – понял уже: сдался председатель, отпустит.

– Слышь, Семен... Ну давай хоть неделю, не две...

Сошлись на десяти днях – на декаде. Отпустил Иван Аркадьевич своего колхозника, коль такое дело – сын. Да и тракторист Семен – толковый.

– Вот спасибо, дорогой ты мой Иван Аркадьич! Вот спасибо! Вернусь – отработаю.

– Ты еще поклонись! – хмыкнув, пригладил усы Чайкин. – Погодь прощаться-то. Про укрупнение районов слышал?

– Дак по радио говорили...

– Смотри, не дай бог в Озерск лыжи навостришь! А что? В леспромхозе, говорят, заработать можно.

– Да ты что, Аркадьич! – выкатив светлые глаза, Крокотов вполне искренне всплеснул руками. – Чего еще не хватало – Озерск! Там и жить-то негде...

– Говорят, общежитие в бараках дают. Только неизвестно, на самом-то деле дают ли?

– В бараках! – Семен сплюнул бы, да постеснялся. И только презрительно хмыкнул: – Зачем мне барак, когда у меня своя изба имеется? Да и не поедет Зинка в барак.

Зинка – Зинаида – так звали жену Крокотова, доярку.

– Ну и молодец, что не поедет, – председатель довольно усмехнулся, но на всякий случай погрозил пальцем. – Ладно. Успешно съездить. Деньги подальше положи, спрячь, а то в дороге-то люди всякие... Вот у меня в прошлом году сват... А впрочем, ты слышал, наверное...

Зайдя домой, Семен быстро переоделся, натянул синие довоенные галифе, еще вполне хорошие и имеющие вид. Почистил наконец сапоги, набросил на плечи недавно купленный в сельпо серый шевиотовый пиджак, на голову – серую кепку и, прихватив небольшой чемоданчик, споро зашагал на большак.

Недолго и стоял – минут через двадцать поймал попутный лесовоз. Забравшись в высокую кабину, благодарно кивнул водителю – молодому белобрысому парню:

– Вот спасибо, друг! Не знаешь, в Озерске в Доме крестьянина места есть?

– Так должны быть. Шабашников сейчас нет, шефов тоже – не сезон.

Парень с треском врубил передачу, и тяжелый ЗИС-151 с прицепом-ропуском, полным только что напиленных хлыстов, медленно пополз по грунтовке, шумно ныряя в глубокие коричневато-бурые лужи.

Часа через полтора показался Озерск, недавний райцентр, насчитывающий около двух тысяч жителей. Леспромхоз, колхоз «Авангард», кустовая больница, промкомбинат... Еще – школа, почта, сберкасса, Дом пионеров и школьников. Да, и сельскохозяйственное училище на сто человек. Вообще-то центральная усадьба колхоза, но – раз уж был райцентром – считался городом.

– Ну, однако, приехали...

Водитель лесовоза тормознул недалеко от главной площади, никакого названия не имевшей, вернее, называвшейся просто – Площадь. Рядом на пригорке – стадион, за ним – клуб, построенный еще пленными немцами. На самой же площади – кирпичный автобусный павильон, универмаг райпо, продуктовый магазин и отдельно стоящий винно-водочный, красиво называющийся – «Заря». Тут же – большое двухэтажное здание, обшитое выкрашенными в синий цвет досками. На первом этаже – сберкасса и какие-то конторы, на втором – квартиры преподавателей училища.

– Вон он, твой Дом крестьянина, – водитель указал рукой.

– Знаю.

Подхватив чемоданчик, Крокотов выскочил из кабины и, махнув рукой шоферу, направился к двухэтажному бревенчатому дому с высоким крыльцом и тремя вывесками: «Хлеб», «Обувь» и «Дом крестьянина».

Места в Доме крестьянина были. Кроме Кроктова как раз заселялся еще один постоялец, судя по виду – из городских. Светло-бежевый костюм – «пара» – коричневые кожаные сандалии, шляпа, рубаха с узеньким галстуком. Остренькая «чеховская» бородка, усики, тонкие губы... Интеллигент! Можно было бы назвать пижоном, кабы не возраст – немолодой уже, верно, Крокотову ровесник. Да нет – пижон! Вон как с девчонкой-администратором заигрывает!

– Ах, Леночка, какие же красивые у вас тут места!

– Тут у нас и охота, и рыбалка, и ягоды скоро пойдут! – милая блондиночка с косами широко улыбнулась в ответ.

– Ах, не зря мне здешние места порекомендовали. А полдома-дом тут у вас никто не сдает? Так, недельки на три... Ого! – тут «пижон» заметил Семена, скривил доброжелательно губы в улыбке, кивнул: – Мельников Михаил Петрович, инженер и... ботаник-любитель. Гербарии собираю, здесь их – непочатый край!

– Крокотов Семен... из деревни мы.

– Очень приятно! О, да тут и кроме нас уже постояльцы есть. Вон вещи-то... А, Леночка?

– Да, товарищи, – юная администраторша одернула модный, с накладными карманами пиджачок, накинутый поверх платья. – Тут еще с вами двое заготовителей из райпотребсоюза. Люди приличные.

– И мы – приличные, – Мельников подмигнул девушке и, хохотнув, повернулся к Крокотову: – Идемте. А что, Семен... как вас по батюшке?..

– Иваныч.

– А что, Семен Иваныч, «пулечку» вечером не распишем? С товарищами из райпотребсоюза?

– Чего?

– В картишки, говорю, перекинемся?

– Это можно. Но лучше – в домино.

– В домино так в домино, – махнул рукой инженер и уселся на свободную койку. – Ну что, распаковываем чемоданы?

Вечером играли. В преферанс умели не все, потому сошлись на более простом варианте – «козле». Соседи – товарищи из райпотребсоюза – оказались молодыми и компанейскими, на четверых раздавили поллитровочку под вареные яйца, плавленый сырок и пироги с рыбой. Хотя и запрещено строго-настрого, а все же за знакомство как не выпить? Тем более с такими-то приятственными людьми? Но – интеллигентно все, под разговоры за жизнь и без всякого особого шума.

Поиграли, выпили и ровно в одиннадцать вечера, по распорядку, улеглись спать. А ночью случилась гроза...

Поначалу все было тихо, лишь на площади гомонили подростки, слышались смех да гитарный перебор. Ну что поделывать – лето...

Откуда взялась грозовая туча – черт ее знает, но вот нагрянула. Подобралась незаметно, словно голодный хищник, и очень даже быстро заволокла тихой сапой полнеба, оглянуться не успели – а уже и гром! Поначалу отдаленный такой... скорее даже не гром, а глухое ворчание, будто где-то за лесом ворочался да недовольно урчал медведь.

А потом вдруг резко засверкали молнии, пронеслись канонадой громовые раскаты – над лесом, над городком, над озерами. Туда, в межозерье, и ударила молния – казалось, близко совсем. Громыхнуло так, что заложило уши, и тут же

хлынул ливень!

Подростки с площади укрылись под спасительной сенью автобусной остановки, разом погасли редкие уличные фонари – дежурная смена местной подстанции вырубилла электричество, опасаясь грозы.

Темно стало кругом, неуютно, мокро. Сверкали молнии, громовые раскаты прокатывались, словно волны в бурю, дождь лил стеной. Недолго, правда. Немного погода поутих, но молнии так и сверкали, и гром еще гремел...

В этакую-то непогоду и пробирался окраиной городка припозднившийся путник. Спасаясь от дождя, он поднял воротник плаща, натянул на самые уши кепку. Зачем-то оглянулся, потом нырнул под спасительную сень крыльца одиноко стоявшего дома. Не изба то была, а именно дом – не по-деревенски длинный, обшитый досками, с высоким крыльцом.

По жестяному козырьку крыльца дробно стучали капли. Путник снова оглянулся, бросив быстрый взгляд на видневшийся в полусотне метров двухэтажный бревенчатый барак. Постоял, посмотрел и, таясь по-воровски, вытащил из-за пазухи плоский карманный фонарик. Включил на миг, осветив синюю, с серебристыми буквами вывеску – «Озерский районный дом пионеров и школьников». Старая была вывеска – район-то нынче отменили, так что быть ли здесь Дому пионеров – бог весть...

Удовлетворенно кивнув, неизвестный глянул на небо и,

поежившись, спустился с крыльца. Обошел здание, прячась за кустами малины, затем, подойдя к окну, сноровисто выставил стекло! Тихо все, быстро...

Дождь уже почти кончился, но гром все гремел, а невдалеке, над лесом, сверкали синие молнии. Аккуратно прислонив выставленное стекло к высокому цоколю, мужчина просунул руку в окно, нащупав запор и распахнув створку, ловко забрался внутрь. Послышался глухой звон разбитого стекла, какое-то лязганье...

Снова ударил гром.

* * *

– Ну вот сами смотрите, товарищ... – встав посреди небольшого зала, заведующий Домом пионеров Аркадий Ильич Говоров растерянно развел руками. Еще не старый – сорок два года, – но уже сутулый и несколько рохля, Аркадий Ильич должностью своей гордился и много чего делал: и кружководов находил, и общественников привлекал, и средства в гороно выбивал – короче говоря, был на хорошем счету. А тут вдруг такое!

– Они вот через это окно влезли. Вот, товарищ участковый, тут и следы еще не высохли...

– Да уж вижу.

Совсем еще молоденький участковый в новенькой синей форме внимательно осмотрел следы, смазанные, честно-то

говоря, или нарочно затерты. Посмотрел, вздохнул и перевел взгляд на заведующего:

– Так что, говорите, украли-то?

– Два фотоаппарата из фотокружка, – с готовностью перечислил Аркадий Ильич. – «Любитель» и «Смена». «Любитель» – на широкую пленку, а «Смена»...

– ...да знаю я, – прошаживаясь вдоль стен, участковый внимательно осматривал разбитые выставочные витрины. – А тут у вас что было? Драгоценные камни? Скифское золото?

– Да уж скажете! – заведующий фыркнул. – Военная экспозиция. Партизанский отряд у нас в войну был... Но медали не взяли – сами видите. Да и фотографии, документы целы, только вон... разбросаны.

– Похоже, вашими ценными бумагами воры подоконник протерли... и следы, – усмехнулся милиционер.

– Варвары!

– Значит, кроме фотоаппаратов, ничего больше ценного не пропало...

– Ой... стойте, стойте! – Говоров неожиданно заволновался. – Как же ничего ценного? А «Спидола»! У меня в кабинете была... взломали замок...

– Да у вас такие замки, что ногтем откроешь! Говорите, «Спидола»?

– Ну да. Ценный подарок от райкома партии! – не удержавшись, похвалился заведующий. – За хорошее воспитание

школьников.

Участковый согласно кивнул:

– «Спидола», конечно, вещь недешевая. Поди рублей шестьдесят?

– Семьдесят три рубля сорок копеек! Новыми, – с гордостью пояснил Аркадий Ильич. – По-старому – семьсот тридцать четыре рубля!

К «новым» ценам, введенным в оборот после прошлогодней денежной реформы, люди еще не привыкли и постоянно переводили «новые» цены в «старые».

– Хороший приемник, пластмассовый, легкий. На транзисторах! – заведующий горестно вздохнул. – Какая-то сволочь его теперь слушает?

– Так... – участковый взял брошенную на подоконник левую сумку-планшет. – Где бы у вас показания записать... и протокол осмотра?

– А вот, прошу, пожалуйста, в мой кабинет.

– Мне еще поняты нужны.

– Так это... сейчас сотрудники как раз придут на работу. У нас совещание! Да вы проходите, товарищ милиционер.

Сквозь оконное стекло сверкало чистое, умытое вчерашним дождем солнце. Войдя в кабинет, участковый невольно прищурился, потом уселся за старый конторский стол спиной к окну. Снял фуражку, вытащил из полевой сумки листы бумаги и перьевую ручку, буркнул себе под нос:

– Однако, начнем. Мной, участковым уполномоченным

отделения внутренних дел Озерского райисполкома младшим лейтенантом милиции Дорожкиным Игорем Яковлевичем, составлен настоящий протокол...

– Товарищ милиционер, а собаку привлекать будете?

– Так дождь же был. Что толку-то?

– И правда...

Вообще-то никакой собаки в Озерском отделении милиции не было. После недавней реорганизации остались только три участковых, два опера, вечно пьяный техник-криминалист, да дежурка. Ну и начальник, само собой. Следователи – при особой нужде – приезжали из нынешнего районного центра, соседнего Тянска. Правда, ездить в Озерск они не особо любили, предпочитая рассылать «отдельные поручения». А кому эти поручения исполнять-то? Коли из трех участковых – один на курсах, другой уволился, а об оперативниках и говорить нечего. Должности есть, а людей нету. Прислали тут из Тянска одного старлея, Ревякина Игната. Вроде парень ничего, да вот пока в курс дела войдет...

Дорожкин вздохнул и пригладил светлую, упавшую на глаза челку. Вот ведь угораздило сразу после армии в участковые податься. Лучше бы на сверхсрочную остался. Так нет же, соблазнился обещанной комнатой.

– Документы на «Спидолу» имеются?

– А как же! Вот, пожалуйста. Ой! Еще радиодетали пропали. Лампы там всякие, диоды-триоды... разный, знаете, хлам. Это и не важно, в общем-то...

– Нет уж, – насторожился участковый. – Как раз – важно! Радиодетали только конкретным людям нужны – радиолюбителям. Вот их и поищем. Вы вообще кого-то подозреваете?

– Ах, бросьте! Кого тут подозревать?

– Что ж, ладно. Вот здесь распишитесь... и здесь... Понятые-то где?

– А, сейчас, сейчас позову... я быстро...

Вообще-то хорошо бы все это прекратить за малозначительностью да материал проверки списать в архивное дело. Однако не выйдет. Тут ведь не просто кража, а – со взломом! Пусть даже и насчет «группы лиц» еще бабушка надвое сказала. И «Спидола» – семьсот тридцать... тьфу ты – семьдесят три рубля. Почти как зарплата. Да и фотоаппараты еще – «Любитель» со «Сменной», конечно, дешевые, но...

– Вот, пожалуйста – понятые! Проходите, товарищи.

– Аркадий Ильич...

– Да-да?

– У вас фотоаппараты на балансе стоят?

* * *

Матушка-природа наградила бывший райцентр весьма щедро: кроме бескрайних лесов, ореховых и рябиновых рощиц имелись еще река и целых три озера, именовавшихся без затей – Маленькое, Среднее и Большое. На самом даль-

нем и рыбном – Большом – раскинулись песчаные пляжи, на Маленьком и Среднем – мостки. Впрочем, рыбой и эти обижены не были.

После ночного ливня солнышко словно на волю вырвалось – жарило уже совсем по-летнему, припекало прямо с утра! Возникшие за ночь лужи на глазах исходили паром, в кустах акации перед исполкомом радостно щебетали птицы. Девушки уже переоделись в платья – крепдешиновые, ситцевые, – яркие, с короткими рукавами, в горошек, в цветочек, в клеточку...

Мальчишки шли в школу в одних рубашках, а младшеклассники – так те вообще в коротких, на помочах, штанах. Лишь девчонки, как всегда, парились в коричневых своих платьях с передниками. Передники, правда, нынче были белые, праздничные, как и рубашки у парней.

Молодой человек – юноша в белой рубашке и светлых парусиновых брюках – слез с велосипеда у почты. Прислонил велосипед к забору, уселся на парапет и стал кого-то ждать, лениво посматривая на ожидавших автобус пассажиров.

Тетки в жакетах, двое мужиков с котомками, командировочные с чемоданчиками – немного, все же рабочий день. Автобус «Озерск – Тяньск» нынче ходил часто – три раза в день! А по субботам, воскресеньям и понедельникам ездили еще и по деревням. Совсем красота! Не как в старые времена – добираться как знаешь. Это, конечно, хорошо. От укрупнения районов хоть какая-то польза. Но вместе с тем... Озерск

раньше был райцентр, а теперь что?

Юноша пригладил темно-русые волосы. Подстриженные когда-то «полечкой», они сейчас лезли в глаза, приходилось зачесывать челку назад, однако ветер быстро трепал прическу.

Вытащив из кармана расческу, юноша тщательно причесался, поймав на себе заинтересованные взгляды проходивших мимо школьниц, судя по виду – семиклассниц или еще младше. Мелкота! Ишь, вылупились!

Одна даже набралась храбрости – поздоровалась:

– Максим, привет.

Темненькая, востроглазая, стройненькая... Знакомая...

Максим улыбнулся, снизошел до ответа:

– Привет, Женька, привет. В школу?

– Ну а куда ж? Последний день нынче, забыл?

– Х-ха! То-то я смотрю – такие красивые все.

– А у тебя когда экзамен?

– Послезавтра. Русский язык.

– Ну, ни пуха, ни пера.

– К черту, к черту. Мне бы, главное, французский сдать.

Насчет остальных я не волнуюсь.

– Сдашь.

– Сдам.

– Увидимся, Макс!

Макс... хм... Ну и что с того, что младшей сестры одноклассница? Никакого уважения. Совсем. Ох уж эти пионе-

ры... А вообще Женька – счастливая. Никаких экзаменов нынче в седьмом классе сдавать не надо – сразу в восьмой, он выпускным считается, не как раньше – седьмой. Потому как реформа: не семилетняя школа, а восьмилетняя, не десять классов, а одиннадцать, и два дня в неделю изволь на производственной практике отработать: на ферме, в леспромхозе или еще где... Чтобы стаж шел. Без стажа – никуда.

Вот и Максим одиннадцатый заканчивал, экзамены остались – и все.

Кстати, а Женьку эту в детстве Горемыкой прозвали! За то, что в разные истории попадала: то в детском саду кипятком руку ошпарила, то в парке потерялась, а как-то ее с рейсового автобуса сняли – решила просто так покататься. Но все это давно: Катька, сестра Максима, иногда вспоминала, а вот Женька прозвища своего старого не любила. Да и позабылось оно уже.

К остановке наконец подъехал автобус из Тянска – желто-красный тупоносый ЗИС-155. Остановился, распахнул двери-гармошки, старых пассажиров выпустил, новых – впустил.

Макс посмотрел с любопытством: всегда интересно, кто в город приехал, может, знакомый кто... Нет. Знакомые – да, но все – народ пожилой и не интересный ничуть.

– Бонжур, Макс! Извини, припоздала.

– Бонжур, Лидия... Борисовна.

Молодая женщина – девушка двадцати трех лет отроду – прыгнула с дамского, с низкой рамой, велосипеда. Красивая такая шатенка. Учительница французского языка, точнее сказать – практикантка. Старая-то учительница уволилась, вот ее и попросили до конца года поработать – сам директор попросил. А кого еще брать-то?

Ну да, «бабетту» носит – прическу такую, с начесом, как у героини французской актрисы Бриджит Бардо в кинофильме «Бабетта идет на войну». Так, «бабетту» в больших-то городах все молодые женщины носят, это вот в Озерске только косятся да всякие слова нехорошие говорят.

А Лидии Борисовне... Лиде... хоть бы что! Да и «бабетта» – это же не «колдунья», когда волосы распущены по плечам, без всякого к общественной нравственности уважения. Опять же, по фильму «Колдунья» – его в ДК недавно показывали – с Мариной Влади. Показывать-то показывали, а с такой прической не то что в школу не пустили бы, а и запросто могли бы привод в милицию оформить! Как за мелкое хулиганство. Стиляг же таскали...

Красивая Лидия Борисовна, уверенная в себе, ничего не скажешь! Волосы осветленные; большущие, серые, с подведенными стрелками глаза. Вся из себя стройная, ноги – ух... и грудь... ничего так себе грудь, парни вслед оборачивались... и не только парни, но и взрослые женатые мужики. Мужики оборачивались, тетки – плевались. Обещали на директора школы общественную клевету написать.

Красивая... И велосипед у нее шикарный, дамский, так весь и сияет, не то что «колхозный» Максов «Урал», бог весть из каких деталей собранный.

– Еще раз извини – экскьюзе муа.

Лидия Борисовна поправила привязанный к багажнику небольшой саквояж.

– Спасибо, что помочь согласились, – поблагодарил Макс. – Мерси боку.

– Пустое, – учительница обворожительно улыбнулась. – Ну, Максим, где заниматься будем? Предлагаю на озеро. На дальнее. Там такой тихий пляж...

Юноша молча кивнул – согласился. Еще бы! Усевшись в седло, Лидия Борисовна закрутила педали. Максим выждал минуты три – для конспирации – и неспешно поехал следом. Чтобы не вместе. А то потом слухи пойдут – городок-то маленький.

Проехав мимо двухэтажной деревянной библиотеки, велосипедисты один за другим свернули по улице вниз, к бане, и, проехав краем ближнего – Среднего – озера, покатали по деревянным мосткам, ведущим к кустовой больнице. За больницей, на пологом холме, уже начиналась деревня, а сразу за ней синело озеро.

За деревней Максим наконец догнал свою спутницу. Дальше поехали рядом, а потом и вообще пошли пешком, зашагали по узенькой тропке. Вдалеке на склоне холма копошился колхозный трактор – что-то там боронил, поднимая

тучи желтоватой пыли.

– К дальнему пляжу поедем? – обернулся шагавший впереди Максим.

Учительница пожала плечами:

– Наверное... Там ведь пусто сейчас.

– Ну да. Рабочий день, да и малышня вся в школе.

Спустившись с холма, тропинка нырнула в заросли орешника, затем пересекла луг, золотисто-желтый от лютиков и купавниц. И вот он – пляж! Узкая полоска песка, кусты, травища... И – пусто. Совсем никого.

– Ну, вот здесь.

Лидия Борисовна положила велосипед в тенечек, достала из саквояжа покрывало и... фотоаппарат «Зоркий» в коричневом кожаном футляре. Очень даже неплохой фотоаппарат, с автоспуском и объективом «Индустар» – Максим во всем этом разобрался.

– Ну что... Для начала повторим грамматику, а потом – диалоги.

Сняв сандалии, учительница уселась на покрывало и, вытянув босые ноги, принялась что-то быстро говорить по-французски. Максим понимал через слово. В пятом классе у них недолго был немецкий, с седьмого до девятого – французский, а потом вообще никакого иностранного языка не было – некому было вести.

Потом говорили о Ленинграде. Тоже по-французски. Не

о Москве, как в учебнике, а именно о Ленинграде. Москву Лидия Борисовна не любила, а в Ленинград ездила часто, обожала этот город, так и говорила:

– Ж’адор!

Восхищалась Кировским театром, театром имени Пушкина, музкомедии... Вспоминала многие постановки – «Лебединое озеро», «Аиду», «Жизель»... Честно сказать, Максим во всем этом не разбирался, никаких театров в Озерске не было, в Тянске, правда, был, но и тот – народный.

– А что ты не загораешь? – Лидия Борисовна склонила голову набок. – Стесняешься?

– Да нет. Часы у вас... у тебя красивые.

– Еще бы! «Заря»! Золотые, между прочим.

Не особо-то Макс и стеснялся. Подумаешь, вместо плавок – черные семейные трусы! Не у всех эти самые плавки имелись... как и школьная форма. Провинция – это вам не Москва и не Ленинград, трудно живет народ, бедновато. Во многих семьях отцы с войны не пришли, а те, что пришли, частенько пили...

Он все же разделся. Тела своего он тем более не стеснялся – все же спортсмен-разрядник, значкист ГТО!

Лидия Борисовна повернулась спиной:

– Расстегни...

Сзади – пуговицы на платье, маленькие такие, пластмассовые.

– Будешь меня фотографировать! А сейчас я тебя на память щелкну.

– Да не надо меня...

– Ага, есть! Теперь закрой глаза. Ну закрой же!

– Закрыл.

– Все... Можешь открыть.

– Ой!

Вот это действительно было – ой! И даже – ой-ой-ой! Не испытывая никакого стеснения, юная красотка-учительница предстала перед учеником... хм... не то чтобы совсем голой, но около того. Узкие – желтые в красный горошек – плавки, такой же узенький лиф. Это называлось «бикини», но такого слова Максим тогда еще не знал.

– Это такой купальник. Как у Бриджит Бардо! Нравится?

– Д-да...

– Ну, бери же фотоаппарат! Я буду позировать. Да, и перестань мне «выкать». Договорились же, когда мы одни – просто Лида. Ву компрене?

– Уи.

Лидия Борисовна – точнее, уже просто Лида – зашла по колено в воду, поморщилась...

– У-у! Холодновато. Хотя... А давай окунемся?

– Давай-те... давай!

Положив фотоаппарат на покрывало, Максим вбежал в воду, подняв тучу брызг.

– Нет, нет, не брызгайся! Ай! – громко засмеялась Лида.

– Ну! – Макс, вынырнув, обернулся: – Ныряй же, ныряй!

– Ага, «ныряй»! У меня вся прическа погибнет.

Девушка осторожно зашла в воду по пояс, наклонилась и поплыла.

– Уф-ф! Пойдем скорее греться.

Они улеглись рядом на покрывале. А дальше все случилось словно само собой – то, что, наверное, и должно было случиться.

– Хочу ровный загар. Расстегни мне, ну вот так... так... Иди сюда...

Поцелуй... поцелуй – сначала робкие, потом – все горячее... Правда, до большего дело не дошло, постеснялись, что ли...

– Лида, ты... ты такая... – молодой человек не смог подобрать нужных слов и снова поцеловал девушку в губы.

– Ты тоже хороший, Макс. Нравится Ив Монтан? А Пари... или «Опавшие листья»?

– Я как-то пластинку слушал. Сестра у подружки проигрыватель брала. Та просила починить – я починил.

– А у вас радиолы нет?

– Нет. Приемник только. Мать одна, отец от ран умер, еще в пятьдесят восьмом.

– Извини... Нет, ты хороший, Максим. И славно, что вот так... чинить можешь.

– У нас в Доме пионеров когда-то радиокружок был. Я

ходил.

– Здрóрово! А ты знаешь, я шить могу. Вот платье это, купальник... Подружка как-то журнал дала. Я как увидела фотку Бриджит в таком вот купальнике, так и... вот, сшила. Правда красиво?

– Очень! Только ты это... при всех так не ходи.

– Ну, я ж не дура, Макс! И так все косятся.

Поглощенные друг другом, молодые люди и не заметили, что за ними давно уже наблюдают. На середине озера виднелся небольшой островок, поросший разнотравьем и вереском. Там, на отмели, в камышах, прятал свою лодку рыбак в надвинутой на самые глаза шляпе. Усмехаясь, пялился он на парочку в бинокль, даже присвистнул в самом интересном месте. Похоже, кого-то узнал.

Посмотрев еще пару минут, рыбак опустил бинокль и осторожно, чтобы не заметили с берега, погреб за острова, а там и дальше – прочь...

Максим вернулся домой уже ближе к ужину. Построенный еще до войны большой дом-пятистенки стоял на тенистой улице в числе таких же точно домов, с огородами и палисадниками. Младшая сестра Катя – высокая, со светлой косой и уже заметной грудью девчонка – как раз приготовила обед: сварила щи и картошку. Пару дней назад в винном «выкинули» селедку – вот и пригодилась.

– М-м, – Максим орудовал ложкой, как галерный гребец

веслом, – проголодался. – Вкусно!

– Еще бы не вкусно. – Катя довольно одернула платье, посмотрела в окно. – Ого! Милиция! Кажись, к нам... Симпатичный какой!

– Милиция? – Макс отложил ложку. – И впрямь – к нам. Интересно, зачем?

Никакого страха молодой человек не испытывал – ничего такого он не совершал. А что милиционер во двор заглянул – так мало ли зачем милиция ходит?

– Здравствуйте! Мезенцевы здесь проживают? – зайдя во двор, молодой светлоголовый милиционер вежливо поздоровался с выглянувшей в окно девчонкой.

– Мы Мезенцевы, – улыбнулась Катя. – Ой, а мама на работе сейчас. В конторе.

– Да мне бы не маму, мне бы Максима Петровича Мезенцева.

– Ой, – Катерина удивленно моргнула и оглянулась: – Максим! Кажись, к тебе...

– Ну, пусть проходит.

– Здравствуйте, – войдя, еще раз поздоровался милиционер. – Я – участковый ваш. Младший лейтенант Дорожкин, Игорь... Яковлевич, – посмотрев на Катю, почему-то поспешно добавил участковый. – А вы, значит, Максим?

– Да, я Максим.

– Тут сигнал один поступил. Надо бы проверить.

– Ну, проверяйте, если надо. Вот, присаживайтесь.

– Спасибо.

Участковый положил фуражку на стол и важно раскрыл полевую сумку. Бумага, ручка – все как положено.

– Тебе, Максим, ведь шестнадцать лет есть, так?

– Восемнадцать уж скоро! А что случилось-то?

– Ты, говорят, когда-то в радиокружке занимался?

– Занимался, – согласно кивнул Максим.

Как и у подавляющего большинства советских людей, участковый уполномоченный не вызвал в нем никакого страха или, тем более, ненависти. Скорее наоборот. А Катька так во все глаза на милиционера и тарасилась. Видать, понравился.

– Товарищ участковый, а может, вам молочка налить? Холодненькое, с погребца. Мы у соседей от коровы берем.

– Это сестра моя, Катерина.

– Спасибо, я обедал уже, – младший лейтенант несколько сконфузился и напомнил: – Так я про радиокружок.

– А, это давно было, – сидя на стуле, потянулся Максим. – Классе в шестом – в седьмом... А потом преподаватель наш, Артемий Викторович, в Ленинград уехал. Так бы, может, и сейчас бы занимался.

– Нравилось?

– Еще бы!

Говоря так, Максим вовсе не кривил душой. Позанимавшийся некоторое время в радиокружке, он увлекся этим делом всерьез и даже сейчас еще любил собирать радиопри-

емники, чинить радиолы и все такое прочее, за что ему были признательны многие, а лучшая подружка сестры – семиклассница Женька – так та его вообще обожала. Особенно после того, как он ей переносной проигрыватель починил. Хороший такой проигрыватель, в виде небольшого раскладного чемоданчика – «Юбилейный». Женька на нем пластинки Ива Монтана слушала, которые из Риги привезла, а в Риге у нее старшая сестра замужем за каким-то старпомом.

Да что там проигрыватель! В школе и в местном клубе без Макса не обходится практически ни один вечер танцев. Там ведь тоже надо что-то паять, чинить, звук налаживать. Все не так просто – надо, чтобы работало.

– Так, а кто еще с тобой занимался? Активным был?

– Да много кто, – молодой человек задумался. – Мишка Рашников, он в ремесленном сейчас, ну, в училище... Еще Колька Федотов, в десятый «Б» перешел... Ванька Мошников – это вообще восьмиклассник...

– А живут они...

Пожав плечами, Макс продиктовал адреса. А что бы и не сказать? В милиции-то, почитай, и так все адреса известны. Зачем тогда участковый их спрашивал? А черт его знает.

– Теперь вот еще... Ночью ты где был?

Вот тут Максим по-настоящему удивился:

– Так дома, спал.

– Домашние подтвердить могут?

– Вот это вряд ли! Я летом в сарайке сплю. Там хорошо,

нежарко.

– Да, он в сарайке спит, – подтвердила, хотя никто ее и не спрашивал, Катя. – Там, за домом. Удобно... – девочка завистливо вздохнула. – Когда хочешь – пришел, кода хочешь – ушел. Никто и слова не скажет.

– Так-та-ак... – покусав губу, протянул участковый. – Так-так...

– Да что случилось-то? – Макс искоса посмотрел на милиционера.

– Да так... – прощаясь, уклончиво отозвался тот. – Узнаете, если что.

– Симпатичный... – хлопнув за гостем дверь, улыбнулась Катя. – Вот интересно, девушек в милиционеры берут?

– Сиди уж... девушка!

– А что? Ой! – округлив глаза, сестра вдруг всплеснула руками: – Самое главное-то я тебе не сказала! И у милиционера забыла спросить.

– Да что случилось-то?

– Дом пионеров ночью ограбили! Говорят, имущества вынесли – на большие тыщи!

– Да откуда там тыщи? Стой! Дом пионеров? Ночью? Так это что же, это милиция думает, что это я, мы...

Мотнув головой, словно прогоняя какое-то наваждение, Максим заморгал и беспомощно посмотрел на сестру:

– Кать, а как так может быть-то?

Глава 2

Озерск и окрестности, май-июнь 1963 г.

Ночью Макс спал плохо, ворочался, все думал о происшествии, об этой чертовой краже! Фотоаппараты, видите ли, украли... Да какие там фотоаппараты-то? Одно старье – «Любитель» да «Смена», кому они вообще понадобились? Другое дело – «Спидола», вещь нужная, дефицитная. Семьдесят рублей стоит – новыми. Ну, такую можно и за сотню продать! Радиодетали еще... Нет, они что же, всерьез на него думают? Как же так? Участковый, вон, про друзей выспрашивал.

А что друзья? Мишка Рашников, Колька Федотов. Мошников... Мишка в ремеслухе... в училище учится, в Тянке. На столяра. Никогда особо с ним не дружили, так, приятельствовались, и то потому, что в один кружок ходили. Да и не видались давно уже – целую жизнь. Ну да, с тех пор как Рашников в Тянск уехал, тетка там у него. Хотя... нет, по осени как-то встретились в клубе на танцах. Повзрослел Мишка, не то чтобы вытянулся – наглее как-то стал, выпендреннее. Пальто себе черное справил, сапоги хромовые, кепку-«лондонку» и белый пижонский шарф. В уголке рта сигаретка-«гвоздик» прилипла... Так блатные ходят. Или приблатненные... Смог

бы Мишка Дом пионеров ограбить? А черт его знает... Наверное, смог бы. Только вот нет его в городке. Да и радиолампы, и фотики старые ему ни к чему. Вот «Спидола» – другое дело. Но ради этого на кражу со взломом идти?

Максим поднялся с койки, натянул трико. Пробежаться, что ли? Нет, лучше Горького почитать, вдруг вопрос по нему на экзамене попадется? Там по Горькому много...

Так, вот и хрестоматия, на столе, как раз на нужной странице открыта. Пролетарский писатель Алексей Максимович Горький родился... уехал... Капри... «На дне»...

А Колька Федотов? А Ванька Мошников?

...изображение сурового быта рабочего класса...

Колька – темная лошадка. Ни с кем особо не дружит, все время сам по себе, наособицу. Рыбалку любит – да и в кружок недолго ходил. Мог украсть? Кто его знает...

...в романе «Жизнь Клима Самгина» великий пролетарский писатель описывает...

Мошников? По мелочи хулиганит, и дружки у него такие же. Мог и этот... Но только если что плохо лежит. Но чтобы забраться да замки ломать – пожалуй, нет.

...встречался с Владимиром Ильичем... вред богостроительства в литературе...

– Макс! – снаружи послышался звонкий голос сестренки Кати. – Макс, ты проснулся уже?

– Занимаюсь, – он отложил книжку, распахнул дверь.

Катя немедленно заглянула внутрь:

– Ого – хрестоматия!

– А ты думала!

– Есть будешь? Я глазунью приготовлю. Мама на работе уже – у них там отчет какой-то.

– Глазунью, говоришь? Ну, давай.

Щурясь от солнца, Максим невольно залюбовался сестрой: высокая, стройная, с распущенными по плечам волнами светлых спутанных со сна волос, она выглядела чуть старше своих четырнадцати лет и уже притягивала взгляды парней. Конечно, приятно иметь такую красавицу-сестру, однако за девкой глаз да глаз нужен!

А как ей шло синее ситцевое платье! Вот вроде бы и простое, и чуть маловато уже...

– Ты что смотришь-то? Не нравится глазунья, могу омлет.

– Нет, уж лучше глазунью.

– Как скажешь. Ну и бардак тут у тебя! И как ты только тут что-то находишь?

– Да легко! – юноша усмехнулся и показал сестренке язык. – Бардак, говоришь? А у тебя на голове – «колдунья»! Прическа, конечно, модная, не спорю, но ходить в таком виде по улицам в нашем городке не рекомендуется.

– Вот дурак-то! – без всякой обиды рассмеялась Катя. – А еще взрослый... почти. Косу-то я заплету, а вот ты когда порядок наведешь в сарайке?

– Да я...

– А! Сам не знаешь. То-то! Ну, жду на завтрак. Читай свою

хрестоматию.

Рано повзрослела сестренка... Теперь по попе не шлепень! Да и с сараем вишь как утерла!

Усевшись на койку, Максим бросил беглый взгляд на свое летнее обиталище и вздохнул. Чего тут только не было! Накопилось за много лет. Велосипедные колеса, ржавые рамы, неисправный насос (все руки не доходили починить), старые часы-ходики, радиолампы, еще какие-то детали, пачка старых журналов для радиолобителей, заигранные до полной невозможности грампластинки, даже довоенный патефон со сломанной иглой и много чего прочего. Что-то – действительно нужное, а что-то – откровенный хлам, который, однако, рука не поднималась выкинуть. А вдруг да сгодится? Выкинуть-то легко, а потом общешься!

Максим покачал головой: ишь ты – бардак. Кому бардак, а кому – так надо. Все вещи – на своих местах, что понадобится – всегда отыскать можно. Хотя сестрица иногда приникала в сарай и даже в отсутствие брата что-то брала – обычно журналы или открытки... Вот и вчера, верно, заглядывала – вон, чемодан не так лежит, он должен строго у стеночки стоять, а не так вот...

Пнул чемодан ногой – тот быстро переместился на свое место. Максим опять завалился на койку и, закинув руки за голову, уставился в потолок. На губах его блуждала немного глупая, но счастливая улыбка. Лежал он, вчерашний день вспоминал, озеро. Лидию Борисовну... Лиду. Как там у Яро-

слава Смелякова? «Хорошая девочка Лида»...

Как они вчера целовалась! Даже представить невозможно, чтобы вот так... А может, ничего и не было? Показалось все, приснилось? И Лида приснилась, и желтое бикини в горошек, как у Бриджит Бардо, и бесстыдно-темная ямочка пупка. И волнующе-упругая грудь, и все, что там дальше было...

Ах, как сладостно защемило сердце! Лида, Лида... Было ли все это? Было! И, очень даже возможно, будет еще...

Так, верно, не зря про Лидию Борисовну всякое болтали... И пусть! И что? Действительно – и что? Что дальше-то? Можно ли назвать это любовью? Вряд ли. Да точно – нет. Скорее влечение... к очень красивой девушке, да.

Макс пытался разобраться в себе. С одной стороны, ему, как комсомольцу и советскому человеку, должно быть стыдно, однако вот незадача, никакого стыда он почему-то не испытывал, мало того – мечтал повторить! Да и на его отношение к юной учительнице-практикантке случившееся никак не повлияло, разве что в лучшую сторону.

Ах, Лида. Лида... Так Смелякова и не вспомнил, только одну строчку. Надо у Катьки спросить – как все девчонки, она в толстую тетрадку записывает и стихи, и модные песни типа «Бабушка, научи меня танцевать чарльстон».

– Макс! Глазунья готова, – донесся с крыльца голос сестры. – Есть иди. А я потом в школу.

– Так каникулы же вроде начались? – выйдя из сарайки, Максим недоумевающее моргал глазами.

Катя подбоченилась – уже успела заплести косу:

– А учебники сдать? Да и Христина Федоровна просила с цветами в классе помочь.

Христина Федоровна была классным руководителем седьмого «А», где учились Катерина и Женька. Преподаватель математики – женщина строгая, но душевная.

– Вот поедим, и пойду. А ты учи!

– Да как-нибудь без сопливых...

Оставив брата готовиться к экзаменам, Катя аккуратно перевязала оставшиеся учебники бечевкой и зашагала в школу, намереваясь еще заглянуть к Женьке – та жила как раз по пути, рядом с колодцем.

В Озерске с недавних пор стало две школы. Одна – новая, светлая и просторная, построенная два года назад по типовому проекту для городских школ, и вторая – старая, деревянная, бывшая земская гимназия. Старая школа располагалась невдалеке от новой, на вершине крутого холма, поросшего высокими соснами и осиной. В этом учебном году в старом здании еще учились несколько классов начальной школы. Но уже с сентября их должны были перевести в новую школу, старую же передать на баланс Тянского горно, для устройства в ней летнего трудового лагеря. Там же, в старом здании, пока находился и школьный музей.

На углу Пролетарской и Советской девушка остановилась отдохнуть у книжного магазина, где кроме книг продавались

всякие школьно-канцелярские товары. Магазин оказался закрыт, хотя, судя по вывеске, уже полчаса как должен был работать.

Поставив связку учебников на крыльцо, Катя с любопытством смотрела, как прямо напротив, через дорогу, грузился старенький колхозный грузовик с самодельной будкой-фургоном. В двухэтажном деревянном здании располагались редакция местной газеты и архив, из которого как раз и выносили пыльные ящики и папки.

– Переезжают, – остановился у магазина седенький старичок в старом пиджачке и летней соломенной шляпе.

– Здравствуйте, Иван Петрович, – вежливо поздоровалась Катя.

В Озерске все друг друга знали, а старичок этот когда-то работал в школе учителем, правда, Катя тех древних времен не застала.

– Переезжают, говорю, – Иван Петрович был глуховат на левое ухо и всегда говорил громко. – Теперь уж мы не райцентр. Ни архива нам не полагается, ни военкомата. Газету – и ту в Тяньск переведут. Такие вот дела. Эх, как они долго грузят-то... Вон, девчухи все... Архивные. Что, грузчиков не могли в колхозе попросить, что ли?

Насчет грузчиков Катя была не в курсе, потому просто пожала плечами.

– Интересно, где Авдотья-то? – старичок вытащил старинные карманные часы в виде серебряной луковицы, – пол-

одиннадцатого уже. Пора бы и открыть.

Катя рассеянно покивала – да, мол, пора. Авдотьей звали продавщицу. Вообще-то с собой у Катерины было двадцать копеек новыми, и в книжном она намеревалась купить линейку. Не обычную деревянную линейку за три копейки, а прозрачную голубовато-синюю, плексигласовую, красивую – не оторвать глаз. Катя ее еще вчера заприметила и пожалела, что не взяла с собой денег. Теперь вот переживала – не купил ли кто? Так ведь обычно и случается: понравится вещь, на следующий день придешь – а ее уже и нет. Линейка, к слову сказать, стоила целых пятнадцать копеек – две порции фруктового мороженого можно скушать и еще копейка на спички останется. А спички в каждом доме нужны!

– А, вот она, Авдотья-то! – заприметил старичок. – И что ей в архиве делать?

– Бегу-бегу! – завидев покупателей, еще от архива закричала Авдотья, дебелая тетка в синем сарафане и косынке в горошек. – Сейчас я... сейчас...

Пропустив рейсовый автобус из Тянска – все тот же желто-красный тупорылый ЗИС, – продавщица наконец пересекла улицу:

– Доброго вам здоровьица, Иван Петрович. И тебе...

– Здравствуйте.

– Ой! – отперев большой висячий замок, Авдотья резко обернулась. – А что в архиве случилось-то, а!

– А что там такого случилось? – Иван Петрович приставил

ладонь к левому уху.

– Ограбили архив-то – вот!

– Ну! – развел руками старичок.

Катя тоже удивилась:

– А что там грабить-то?

– Да не знаю. Ну-ка, засов поддержи. Ага...

Опустив тяжелый засов, продавщица обернулась:

– Не знаю, взяли там чего али нет, а только забрались.

Дверь подломили да влезли. Там ведь замок-то – хуже, чем здесь. Говорят, рыбаки воров-то спугнули! Мимо с озера шли, видят – в окнах свет мелькает. Ну, фонариком кто-то светил. Они и прикрикнули – мол, мальчишки шалят. Кто-то в окно и выскочил, да прытко так – по кусточкам...

– Про архив рассказываешь? – к магазину подошел еще один покупатель – пенсионер Галиев, пожилой, в широченных светлых брюках и вышитой летней рубаше. – Тетради по копейке есть?

– Да найдутся, чай. Про архив-то слышал?

– Слышал. Воровать-то там особенно нечего, так сказали – радиоточку и чайник забрали. Вот ведь, крохоборы чертовы!

– Значит, не мальчишки, – отворив дверь, убежденно промолвила продавщица. – Значит – алкашня. Глотов, да Дебелый, да Ванька Кушак. Они вон на площади или у «Зари» всегда пасутся, на винище сшибают. Как раз молдавское вчера привезли, белое – «Альб де десерт»...

После ухода сестры Максим деятельно позанимался, заодно наколот на вечер дров – мать как раз стирать собиралась. Еще хотел поправить забор, там доска одна отходила: мало ли чья собака на огород забежит, лук да укроп уже вылезать начинают – потопчет! Конечно, большие, как раньше, огороды нынче держать не разрешалось, но маленькие участки у всех остались. Озерск ведь считай что и не город вовсе – деревня. А как в деревне без своего огородика?

Подойдя к забору, он озадаченно присвистнул: оказались выломанными две доски! Именно выломаны – кто-то оторвал их вместе с гвоздями. Наверное, ребята соседские, только непонятно – зачем? На огороде еще ничего не выросло, а друг у друга воровать как-то не по-соседски да и не принято, все жили одинаково бедно.

Зачем тогда доски отрывать? Хулиганили или собаку свою ловили. А вообще могли путь спрямить – по чужому участку, скажем, к клубу пройти. Да, так, наверное, оно и было.

А, на велосипеде кто-то пробирался. Или на мопеде, шины-то толстые! Катил. Ну, тогда вообще – жлоб! Вполне мог бы и объехать.

Быстро приколотив доски обратно, Макс понес молоток в сарай. Тут его и окликнули с улицы. Давешний участковый и с ним еще какой-то незнакомый парень в сером костюме, здоровый такой, с круглым лицом и короткой – ежиком – стрижкой.

- Старший лейтенант Ревякин, уголовный розыск, – здоровяк вытащил красную книжечку – удостоверение.
- Мать дома? – тут же справился участковый.
- Так на работе ж.
- А на обед когда придет?
- Скоро. Вот-вот уже и должна.
- Так... Игорь! – мордатый обернулся к участковому: – Ты пока понятых организуй, а я здесь...

Тут и мать как раз на обед явилась. И наступил полный позор!

И в доме, и в сарае, и во дворе сотрудники милиции произвели самый настоящий обыск! Даже постановление показали: какой-то районный следователь возбудил уголовное дело по факту тайного хищения государственного имущества путем проникновения.

– Вы хотите сказать, что мой сын – вор? – занервничала мать.

– Успокойтесь, Вера Ивановна, – участковый махнул рукой. – Никто его ни в чем не обвиняет. По крайней мере пока.

Хорошо, сестра Катя из школы поздно вернулась – как раз к самому концу. Ужаснулась, едва не заплакала! Еще бы, когда тут такое!

Главное, и понятые-то – соседи! Господи, вот позор-то, позор...

Сам Максим просто одеревенел, почти не воспринимая происходящее. Это они все всерьез, что ли?

– Внимание, понятия! – Здоровяк вытащил чемодан, распахнул крышку: – Обратите внимание – радиодетали... А вот и фотоаппараты – «Любитель» и «Смена». О! Да тут и инвентарный номер имеется. Ну, Максим, откуда дровишки, фотоаппараты сиречь?

– А еще интересно – «Спидола» где? – вставил свой вопрос участковый Дорожкин.

«Спидола» нашлась к вечеру. Нет, не в доме, не во дворе и не в сарае Мезенцовых, и даже не где-то рядом, а...

...а в Доме пионеров, где ей и положено было быть. Сам заведующий приемник и нашел, Говоров Аркадий Ильич! Нашел – и тут же побежал с находкой в милицию. А там один дежурный, он его к Мезенцевым и послал.

– Понимаете, у меня кружководы в отпусках, вот я и заглядываю везде... – прижимая к груди «Спидолу», объяснял Аркадий Ильич. – Тут вот в методкабинет заглянул за чем-то... Ну, типа красного уголка у нас, мы там обычно совещания проводим. Гляжу – вот она, «Спидола»! Стоит себе на подоконнике за шторой. Извините уж, сразу-то не заметил.

– Не заметил, – мордатый оперативник с укоризной покачал головой. – А фотоаппараты, я так понимаю, на балансе у вас не стоят?

– Да уж три года как списаны. Выкинуть бы их давно или отдать кому – да все как-то некогда.

Уголовное дело, впопыхах возбужденное по факту кражи, дальнейшим производством, естественно, прекратили. Прокурор не глядя подписал – материального ущерба-то нету! А на «нет» и суда нет.

Правда, Максиму Мезенцеву это дело аукнулось: кроме позора на весь городок еще и на учет поставили к участковому. Как лицо, склонное к...

Мать, правда, сына вором не считала.

– Подбросил кто-то. Так и запишите, товарищ младший лейтенант. Да и на учет – это уж больно строго.

– Через полгода снимем, – успокоил Дорожкин, почему-то уже больше не казавшийся Кате таким уж симпатичным. – Если ничего больше такого не совершит. А пока – пусть сдаст экзамены. И, как говорится, ни пуха ни пера.

Вечером все того же наполненного многочисленными недобрыми событиями дня Катя за ужином сообщила между прочим, что по пути из школы видела какого-то незнакомца, явно городского, нездешнего.

– В костюме светлом, рубаха белая, при галстучке, как стилига какой! А сам немолодой уже, с бородкой. Веселый такой, все с улыбкою. Меня про Потаповых, соседушек наших, спрашивал. Мол, не сдают ли комнату? Я сказала, что

не знаю. А сейчас вот Нюшку Потапову встретила, та за коровой пошла, говорит, городской-то у них поселился, комнату в летней пристройке снял – сговорились. Вечерком на беседу звала Нюшка-то... Вера Ивановна, говорит, пусть приходит.

– Ага, – Вера Ивановна скорбно поджала губы. – Мне сейчас только по чужим домам и ходить!

– А я бы на твоём месте пошел! – поднял глаза Максим. – Чтобы знали...

Что – знали, он не уточнил. И так было ясно.

Веру Ивановну – стройную, еще не утратившую обаяния и красоты женщину сорока двух лет – соседи любили за легкость в общении и надежный характер: сказала – сделала. Еще и сплетни никогда не разводит. Потому и звали – и в гости, и просто так, «на беседу», послушать о городской жизни.

– Конечно, иди, мама! – поддержала брата Катя. – А то еще подумают черт-те что. Тем более звали же!

– Звали...

На беседу Вера Ивановна все-таки пошла – дети уговорили. Вернулась поздно и – видно было – довольная. Никто ей на сына не пенял, да и дачник оказался на высоте. Правда, несколько задержался на озере, на рыбалке, зато очень интересно рассказывал о Ленинграде и еще расспрашивал про Озерск, про рыбные места, про дороги... Мол, насчет мотоцикла он у хозяев сговорился, от автобусов теперь не зави-

сит. У Потаповых и впрямь был мотоцикл, да не какой-нибудь, а немецкий! Серый трофейный БМВ с коляской.

– К нему обычно еще пулемет прилагался, – шутил посто-
ялец. Звали его Михаил Петрович Мельников. Интеллигент-
ный человек, инженер. И немного – ботаник. Так, для души.

* * *

Колхозный грузовик ГАЗ-51 с самодельным фурго-
ном-будкой деловито пылил по грунтовке со скоростью пять-
десят километров в час. Дорога шла лесом, густой непролаз-
ною чащей, огибая многочисленные урочища и болота. Де-
ревень по пути попадалось мало, больше лесные поворотки с
синими указателями: «Лаврики – 2 км», «Верховье – 1 км»,
«Новинка – 4 км»...

– У меня в Новинке золовка, – перекладывая на поворо-
те руль, зачем-то похвастался шофер – пожилой вислоусый
дядька в черной спецовке и кепке. – А мужик ейный – на
заводе, в Тянске. Вот он мне эту робу и справил.

– Хорошая роба, Евсеич, – согласно покивала сидевшая
рядом женщина лет тридцати, с узеньким хитроватым лицом
и завитой на бигуди прической, покрытой невесомой газовой
косынкой. Длинная серая юбка, жакет, желтоватая блузка –
экая модница!

Это и водитель заметил:

– Моднявая ты девка, Галя!

– А то! – женщина поджала губы и справилась, как скоро они будут в городе.

– Так часа полтора – и там!

– В парикмахерскую не успею, да универмаг закроется, эх... Зря, выходит, съездим! Припозднились. И понес же черт в эту Койволу!

– Не черт, а председатель! – Евсеич наставительно поднял вверх указательный палец. – Мне тоже, знаешь, не велик праздник туда-сюда кататься. Однако ж у тебя, Галина, свое начальство, у меня – свое. Сказали – сначала в Койволу, значит – в Койволу. Не зря ведь и ездили – запчасти к трансформаторной будке везли. А то вся деревня без света – смекай! Да и аванс надо было завезти. Выходной скоро. Как людям без денег?

– Да на кой им там, в Койволе, деньги-то? Там и магазинов-то нормальных нет, одно сельпо.

– Были бы деньги! А уж куда тратить – найдут. Ну припозднились, и что ж...

– Да уж, – вздохнула Галя. – Хотелось бы и в парикмахерскую, и в универмаг... Говорят, там креп-жоржет недавно выбрасывали, эх...

– Да чего уж теперь, – шофер покачал головой. – Лишь бы архив твой открыли.

– Откроют, куда денутся. Там ждать нас будут, начальство звонило уже.

– Да-а... – Евсеич достал папиросы и спички, прикурил,

неспешно выпустил дым в окно. – Вот ведь... укрупнили район. Где теперь все конторские работать будут? Военкомат, газеты, опять же – архив?

– Да уж, архивариусы теперь только в Тянке нужны, – задумчиво протянула Галина. – Звали уже, предлагали комнату в бараке. А оно мне надо? У меня же муж, дочка... Дом свой да какой-никакой огородик.

– И что делать будешь?

– Ничего. Говорят, в леспромхозе делопроизводитель нужен. Вот завтра и загляну.

– Осторожней, сейчас пыли-то поглощаем! – предупредил шофер. – Чертова балка, ага...

Сбавив скорость, грузовик, переваливаясь на ухабах, покати́л под гору, осторожно пересек мост через неглубокий овраг с журчащим на дне ручьем и снова перевалил через колдобины.

– Ничего! Скоро на шоссе выедем – повеселей покатим.

Евсейч улыбнулся. Скрипнула зубами Галина.

И тут вдруг раздалась очередь! Настоящая автоматная очередь! Или пулеметная... Как в кино про войну!

Ни архивариус, ни водитель поначалу ничего не поняли. Только в капоте вдруг появились дырки, да из пробитого радиатора повалил густой пар. Заскрипев, грузовик резко остановился.

– Бежим, Галя, – первым сообразил шофер. – Давай живенько, через твою дверь. Пригнись! Шибче, шибче...

Высочив из кабины, Евсеич с Галиной нырнули в кювет, а выбравшись из него, скрылись в лесу.

Навалилось над самой чащей низкое белесое небо. В здешних местах нынче темнело поздно. Белые ночи, мать их растак...

– Давай, давай, милая! Лес большой – не поймают, спрячемся.

– Ох, Евсеич, туфли жмут, не могу!

– Да скинь ты их! Жизнь дороже...

* * *

Наутро весь городок всколыхнула жуткая новость – вечером по дороге в новый райцентр ограблена колхозная машина. Едва не убили водителя и женщину-архивариуса – бедолаги спаслись в лесу, а под утро на попутке добрались до Озерска. Что нужно было бандитам – ясно. Деньги! Как раз конец месяца – на этой машине обычно возили получку и аванс.

Так аванс и нынче везли... Только в Койволу.

Местное отделение милиции, конечно, уже было на ногах. Участковый, опер, вся дежурка, техник-криминалист, сам начальник, майор Иван Дормидонтович Верховцев, и тот явился, наплевав на отгул. Что ж, дело такое.

Уже завелся темно-синий милицейский газик с тентовым

верхом.

– Едем, – хлопнув дверцей, распорядился майор.

– Иван Дормидонтович, автоматы брать?

В отделении числились три автомата: два АК-47 и один оставшийся еще с войны ППШ. В оружейке, в несгораемом шкафу, хранились. Так, на всякий случай. Теперь, похоже, такой случай настал.

– Автоматы? – начальник, крупный седоватый мужчина с короткой стрижкой, чем-то похожий на колхозного бугая, задумчиво побарабанил по дверце. – Думаю, ловить-то там уже некого. Но на всякий случай возьмем. Быстрее только... Африканыч, ты чемоданчик свой не забудь. А то как в прошлый раз выйдет – явился на место происшествия с одним фотоаппаратом. Фотограф, едрена мать!

Все посмеялись. Молодец начальник – разрядил обстановку.

Техник-криминалист Матвей Африканыч Теркин был родом из дальних староверских деревень, потому и отчество такое необычное. Из староверов, а пил как лошадь! Ну, так при Советской-то власти никаких староверов нет. При Советской власти все – атеисты! Так что можно и выпить, чего уж там...

– Ох, Африканыч... – как только техник-криминалист забрался в машину, майор потянул носом воздух и скривился: – Опять?

– Ну, выпил немножко... – Теркин не шибко-то боялся

начальства, однако же уважал. – У деверя именины, нельзя, что ли?

– У тебя вечно: то именины, то крестины, то еще черт знает что... Дорожкин! Что там с автоматами? Получили?

– Уже, Иван Дормидонтович.

– Так шевелитесь!

– Ага.

– Так, едем! Эх, и попадет нам нынче от начальства. Скажут – банду тут развели.

Водитель, молодой сержант из недавно демобилизованных, врубил передачу, и милицейский ГАЗ-67, именуемый ласково «козлик» или просто – «козел», ходко покатыл по Советской улице.

– Надо бы военных привлечь, – высказал идею Дорожкин. – Лес бы прочесали.

– Ага, прочесали бы! – майор невесело хохотнул. – Тут до самой Вологды можно чесать. Или до Белого моря. Хотя... да, военным сообщить надо. И в КГБ. Пущай и они займутся. Автоматы, ага... Евсеич, так, говоришь, пули прямо над головой свистели?

– Так говорю же – едва ушли!

Шофер-свидетель был прихвачен с собой. Чтобы на месте все показал. С колхозным его начальством договорились. Еще из Тянска должен был подъехать следователь, дело-то серьезное.

Да уж, нападение на машину – это вам не Дом пионеров!

Пусть и не взяли ничего – не было денег, но автомат! Правда, в лесах такого добра с войны – навалом. Неоднократно уже находили, особенно пацаны.

На месте происшествия, у Чертовой балки, прямо на мосточке, неподалеку от застрявшего в кювете грузовика, сидел как-то городской пижон в черных солнцезащитных очках и курил сигарету. Еще довольно молодой – чуть за тридцать – высокий, худощавый, спортивный, с красивым лицом и стрижкой под полубокс, мужчина был одет в кремовый однобортный пиджак и синие, слегка зауженные брюки. Дополняла образ светло-серая сорочка с расстегнутым воротником.

Такой модный наряд вполне уместно смотрелся бы в каком-нибудь ресторане или, скажем, на выставке, но здесь, среди девственно-бескрайнего леса, он выглядел несколько чужеродно. Как и прислоненный к парапету моста новенький темно-синий мотоцикл, сияющий никелем и хромом.

– Ух ты – «Восход»! – с завистью прошептал Дорожкин.

У самого участкового имелся «Ковровец», еще старой модели, одноместный, с пружинным, почти что велосипедным седлом. Этот же: длинное сиденье – при необходимости втроем можно сесть, – багажник, защита ног... Техника! Вещь!

– Старший следователь прокуратуры Алтуфьев Владимир Андреевич, – подойдя к «газику», пижон вытащил из карма-

на удостоверение. – Сообщили, банда тут у вас. С автоматическим оружием. Так?

– Да сами еще толком не разобрались, – вылезая из машины, недовольно буркнул начальник. – Майор Верховцев Иван Дормидонтович. Это вон – люди мои. Младший лейтенант Дорожкин, участковый...

Дорожкин протянул руку:

– Игорь.

– Владимир...

– Оперативник наш...

– Игнат.

– Техник-криминалист... Африканыч! Эй, следовательно-то представься!

– Ничего, ничего, пусть работает. Вы пока мне все обскажите.

– А у нас тут как раз и свидетель с собой! Евсеич, расскажи.

Ничего нового к тому, что уже рассказал милиционерам, шофер не добавил. Но тут уж следователь сам инициативу проявил, начал задавать уточняющие вопросы, время от времени оглядываясь на копошившегося у грузовика криминалиста.

– Ну, что там?

– Пули! Девять миллиметров. Под пистолетный патрон. Скорее всего, под парабеллум, я их еще с войны помню. Мальчишкой был, а вот поди ж ты...

– Ясенько. Значит, МР тридцать восьмой или сороковой. Немецкий пистолет-пулемет, ошибочно именуемый «шмайссером». Так вы, Прохор Евсеевич, говорите, никого не видели?

– Только слышал. Очередь. Потом пули по капоту – бам-бам... Ну а дальше мы с Галиной и сбежали. Не стали дожидаться, пока убьют.

– Правильно сделали, – записывая, покивал Алтуфьев. – Жаль, конечно, что не видели никого. Сами как думаете, сколько их было? Один или несколько?

Следователь по-хозяйски расположился на заднем – продольном – сиденье «козлика», вместо стола использовав собственный фибровый чемоданчик. Новенький, коричневый, с никелированными сверкающими уголками.

– Да кто ж их знает, сколько...

Между тем озерские милиционеры тоже не бездельничали: определив примерную биссектрису огня, рассредоточились по прилегающему участку леса. Ну и были вознаграждены!

– Товарищ майор! Есть! Гильзы!

– Молодец, младший лейтенант! Осторожней, там и следы должны быть.

Алтуфьев тоже заинтересовался: выскочил из машины, побежал к лесу.

Отыскать следы обуви на мягком мху, конечно, оказалось сложно. Нет, следы-то имелись – примятости в орешнике,

там, где гильзы, – только вот для конкретной идентификации они, увы, не подходили.

– Так, Прохор Евсеевич, продолжим, – следователь вновь вернулся к машине. – Сейчас внимательно посмотрим в грузовике – в кабине и в кузове. Что не так лежит, что пропало. Эх, жаль, понятых не прихватили... ладно, придумаем что-нибудь. Водителя хотя бы запишем.

Из кабины ничего не пропало – да там ничего и не было, разве что начатая пачка крепких сигарет «Памир» стоимостью десять копеек. А вот в кузове...

– Ящики вскрыты, – Евсеич хмыкнул. – Да вы сами видите. Видать, деньги искали, думали, аванс в Огоньково везу. Я его и вез... только вчера утром. Ишь, шишиги, прознали.

Да, такая вот версия выстраивалась. Колхозный грузовик с самодельным фургоном – а лучше сказать, полуфургоном – был в Озерске машиной приметной, и то, что в нем возят колхозникам деньги – получку и аванс, – знала каждая собака. Да и как скроешь-то?

– Тогда и экспедитор садился, Иван Иванович, с наганом, – пояснил Верховцев. – Хотя наган супротив автомата – ничто. Представление буду писать – пусть колхоз своим деньгам охрану организывает. Вот хотя бы нас выпишет. Хоть и людей нет, да надо. Вдруг бы и впрямь вчера деньги повезли? И что тогда? Ищи потом свищи...

– Грузовик в Озерск буксировать будете? – задумчиво поинтересовался следователь.

Майор развел руками:

– Само собой. Скоро лесовоз приедет – утащат.

– Пусть архивные внимательно все пересмотрят, – пояснил Алтуфьев. – Мало ли, бумажки какие пропали.

– Да нужны тут кому эти бумажки!

– И все-таки.

– Понял, товарищ следователь. Исполним. Отдельное поручение писать будете?

– Да, вот прямо сейчас и выпишу.

Усевшись на парапет, Алтуфьев положил на колени чемоданчик.

– Товарищ следователь, – чуть погодя подошел Верховцев. – Извиняюсь за личный вопрос, но... что-то я вас раньше в прокуратуре не видел.

– Так и не могли, – следователь поднял глаза. – Я только недавно перевелся. Из Нарвы.

– И сразу в нашу глушь?

– Там тоже глушь. Только эстонская.

Алтуфьев улыбнулся и вытащил из кармана пачку «Памира»:

– Курите, Иван Дормидонтович.

Дешевое – десять копеек за пачку – курево как-то не очень вязалось с пижонским обликом следователя. И тот это понял, улыбнулся:

– Еще в армии к таким привык.

– А служил где?

– В ГДР, срочную. Да угощайтесь!

– Благодарствую.

Чиркнув спичкой, майор закурил и покривился. Вовсе не от того, что сигареты оказались крепкими или неприятными, нет. Просто задумался, хотел понять: следователь-новичок, вишь ты, назвал его по имени-отчеству – с первого раза запомнил. Это он всегда такой хваткий или какой-то напасти от прокуратуры ждать?

– Так насчет архивных документов постарайтесь побыстрее исполнить.

– Да сделаем. Думаете, недобитки фашистские? – чуть помолчав, напрямую спросил Верховцев.

Следователь прищурил глаза:

– А вы сами-то почему полагаете, что я именно так думаю?

– Так, а что тут полагать-то? – нервно рассмеялся майор. – Ящичками архивными заинтересовались, автомат, опять же, немецкий или автоматы... Вот что я вам скажу, уважаемый Владимир Андреевич, не в ту сторону смотрите! Да, была у нас банда недобитков, старост да полицаев бывших. Прятались по лесам. Так их еще в пятьдесят втором выловили, уже больше десяти лет назад. Говорите, архив? Да нет, деньги им нужны были. А что автоматы немецкие – так этого добра по оврагам да болотам полно.

– Честно сказать, Иван Дормидонтович, я тоже так считаю, – покачав головой, успокоил его Алтуфьев. – Просто од-

ной версии в любом деле мало. Начальство потребует. Или у вас не так?

– Да так, как же иначе?

– Я так думаю, если это не лесная банда, они должны были сюда как-то добраться.

– Думаете, наши, озерские? – снова насторожился Верховцев.

– Насколько я знаю, там у вас и пришлого народу полно.

– Ну да. Колхоз коровник строит – шабашники. Да и в леспромхозе еще...

– Все же ноги из Озерска растут, сами понимаете.

– Да уж как не понять. И грузовик там грузился, и знали все. Африканыч, Дорожкин! Давайте-ка по лесным дорогам проедемся. Поглядим, может, где какой транспорт стоял.

– И я на мотоцикле. В помощь дадите кого?

– Оперативника дам. Игнат! Вы – тянское направление, мы – озерское. Километра три в обе стороны, думаю, хватит.

– Да, вряд ли дальше.

Никаких конкретных следов сотрудники правоохранительных органов, увы, не обнаружили. Жара, пыль! Да еще многие лесные дорожки оказались разбиты лесовозами, они вон и сейчас ездил, хлысты возили.

– Игнат, не забудьте опросить водителей.

– Само собой. Вот тут, похоже, мотоцикл с коляской. Рыбаки, верно. Ну да – вон чешуя.

Тут – мотоцикл, там – легковая машина, а здесь вот – вообще телега. Ничего конкретного.

И все же ясно было: нужно искать транспорт. На чем-то ведь они сюда добрались, ну не на рейсовом же автобусе – с автоматами-то! Значит – мотоцикл, машина, что еще? Мопед может быть, если преступник один, опять же – мотороллеры. Легковые машины в основном только в организациях, частных – раз-два и обчелся. Мотоциклов, правда, хватает, о мопедах и говорить нечего.

– Что ж, будем искать, – простившись со следователем, Верховцев уселся в машину. – Вооруженное нападение – это вам, братцы, не шутки. В этот раз повезло – легким испугом отделались. А в следующий?

– Думаете, будет следующий?

– Обязательно будет, раз уж начали, – убежденно отозвался майор. – Но не сейчас, позже. Сейчас они затаятся, залягут на дно. Обдумают все, тщательно подготовятся. А, скажем, в августе, в сентябре... А следователь-то ничего, ушлый. Интересно, за что его из Нарвы поперли?

– Наверное, за аморалку, – техник-криминалист ухмыльнулся, поерзав на обитом кожзамом сиденье. – Больно уж лицо смазливое.

– Вот я и говорю, – глядя на стелющуюся под капот дорогу, негромко продолжал Верховцев. – Дело-то, похоже, не прокурорское. А его послали, хотя могли бы обычного сле-

дователя прислать, из РОВД. Вопрос – почему?

– Почему, Иван Дормидонтович?

– А потому как новенький! Вот и шпыняют, проверяют на шивость, посылают на всякую ерунду. Районный-то прокурор, товарищ Тенякин, – тот еще черт! И пижонов да всяких стилиг не жалует.

Вот тут все засмеялись. Так вот, под смех, домой в Озерск и приехали. Только вот дома-то оказалось вовсе не до смеха!

Утром в старой школе, в кабинете истории, уборщица теля Валя обнаружила два распластавшихся на полу под партами тела – мужское и женское... И тут же прибавила к ним собственное.

Придя в себя, тут же побежала в милицию.

Одно из тел – школьный конюх Шалькин, пьяный в дым, он был увезен в милицию для протрезвления.

Второе тело под диктовку начальника скорбно описывал участковый Дорожкин:

– Труп девушки расположен ногами к окнам, головой к двери. На затылке – след удара и кровоподтек, блузка на груди растегнута. На расстоянии полуметра от трупа, на полу, валяется статуэтка...

– Хм... Это Чехов, кажется?

– Сам ты Чехов, – резко обернулся начальник. – Дон Кихот это!

Внимательно осматривавший окна оперативник Игнат Ре-

вякин покачал головой:

– Не, Иван Дормидонтыч. Не Дон Кихот это. Скорее Сервантес.

– Да что писать-то? – занервничал участковый.

– Пиши – статуэтка из твердого вещества грязно-белого цвета, – майор покусал губу и прикрикнул: – Да не трогай ты! Вон подтеки – явно кровь. И пальчики могут быть... Да где этот чертов Теркин?

– Так послали уже, – развел руками Игнат.

И сам тут же попал под начальственный окрик:

– А ты что тут ошиваешься? Иди опрашивай. Устанавливай – чей труп.

– Да тут и устанавливать нечего, – Ревякин нахмурился и присел рядом с убитой на корточки. – Лида это. Лидия Кирпонос, отчества не помню. Хорошая девушка... была. Учительница, практикантка. Французский преподавала.

– А-а, – Верховцев присел рядом с опером. – То-то я смотрю – знакомая. Учительница, значит...

– Практикантка. Ого! И юбка расстегнута, и трусики...

– Ла-адно, – начальник брезгливо поморщился и заходил по классу. – Интересно, что она тут, в старой школе, делала?

– Так тут школьный музей, кажется, – Ревякин почесал затылок. – Может, материалы разбирала?

– Кажется ему! Вот и узнай. Да появится, наконец, криминалист или как?

Техник-криминалист Теркин явился минуты через две. Доставили его на милицейском «козлике». Не одного – вместе с местным патологоанатомом, судебно-медицинским экспертом, вальяжным сухоньким старичком Андреем Варфоломеичем, бывшим акушером.

Махнув рукой, Теркин тут же раскрыл свой чемоданчик, сделал пару снимков казенным ФЭДом и принялся орудовать кисточкой и порошком для выявления отпечатков пальцев.

Судмедэксперт, вежливо поздоровавшись, склонился над трупом.

– Ну что там, Варфоломеич? – нетерпеливо поинтересовался начальник.

– Череп проломлен. Похоже, это и есть причина смерти.

– Да, мы так и думали. А когда?

– Судя по состоянию тканей, скорее всего, вчера вечером... или даже днем. Вань, юбочку поддержи-ка, я мазок возьму. На половой контакт проверим.

Майор насупился и поманил участкового:

– Дорожкин! Поддержи юбку. Красивая девчонка! Эх! И какой же гниде понадобилось? Неужто Шалькин? Набухался, пристал... А она не захотела. Вот он ее и по голове. В пьяном-то угаре – запросто. Ну, Шалькин, допился, гад!

– А что ты, Иван Дормидонтыч, на меня-то смотришь? – обиженно протянул техник-криминалист. – Между прочим, на статуэтке отпечатки имеются. Вполне пригодные для

идентификации.

– А вот это очень даже хорошо! – потеряв руки, Верховцев уселся на парту и усмехнулся: – Спорим, знаю, кого из прокуратуры пришлют? Этого вчерашнего пижона, Алтуфьева.

Предположив, майор попал в самую точку! Алтуфьев приехал уже к обеду. И не на мотоцикле, а на служебной прокурорской «Волге», черной, с хромированным оленем на капоте! Все местные мальчишки к отделению сбежались – смотреть. Хорошо, прокурорский шофер оказался человеком строгим, шикнул на пацанов, отогнал. Иначе не видать бы оленя!

– Угу, угу, так...

Расположившись в выделенном специально для него кабинете, следователь внимательно прочитал протокол осмотра и перевел взгляд на опера:

– Игнат, что там говорят-то?

– Ну, это – практикантка, значит... Французский язык. И в школьном музее помогала – попросили. Документы там всякие, фотографии. Гороно старую школу к июлю освободить велело. Вот они и старались. Короче, разбирали – что-то выбрасывали, что-то в новую школу переносили. Со слов директора и учителей, в старую школу убитая...

– ...Лидия Борисовна Кирпонос, двадцати трех лет от роду, – еще раз про себя прочитал Алтуфьев. – Так что – убитая?

– ...пришла в старую школу около полудня. Не одна, с гражданкой Матвеевой, историчкой, заведующей школьным музеем. Матвеева около двух часов дня ушла домой, а Лида осталась, мол, еще посмотрю, интересно. А что ей делать-то? Семьи нет, молодая... Вот и осталась, на свою голову.

– А подозреваемый?

– Шалькин Федор Иванович. Десятого года рождения, инвалид – хромает. Осколок с войны.

– Воевал?

– Да. После войны вернулся в родные места. Вот директор его и пристроил конюхом. Он же – ночной сторож, плотник да и вообще – на все руки мастер. Характеризуется положительно, только что пьет. Не каждый день, но частенько.

– И на работу пьяным приходил?

– Так поди его пойми! Закроется у себя в конюшне...

– А конюшня далеко?

– Рядом со старой школой.

– Так пойдем пройдемся, взглянем. Тут ведь недалеко?

– Ну-у, километра полтора будет. Может, на машине?

– Да я уж свою отправил. – Алтуфьев совсем по-мальчишески расхохотался: – У вас тут с недельку поживу, пока дело. А что? Места здесь красивые, командировочные выписаны... Вот только в Дом крестьянина не хочется – людно. Может, комнату кто-нибудь сдаст?

– С теткой своей поговорю, двоюродной, – спускаясь с крыльца, обнадежил оперативник. – Дочка ее на геолога

учится. Как раз сейчас на практике, в Сибири. Дома в августе только будет. Так что уговорю.

– Вот спасибо! – пригладив волосы, следователь неспешно зашагал по обочине, с любопытством осматривая городок. – А красиво тут у вас! И зелень, и озеро вон видно. Рыба-то есть?

– Да уж не без рыбы.

Центральная городская улица Советская – по сути, бывшее шоссе – пока что была заасфальтирована лишь наполовину, до поворота на Койволу. Однако широкие тротуары имелись на всем ее протяжении, а по вечерам вдоль улицы зажигались фонари.

Слева и справа от главной улицы виднелись двухэтажные деревянные дома, выстроенные колхозным самостроем, так называемым «хозяйственным способом». Обшитые досками и выкрашенные в разные приятные глазу цвета – ярко-голубой, травянисто-зеленый, темно-красный, – они смотрелись очень даже нарядно, придавая городку открыточно-праздничный вид.

– О, у вас и столовая есть! – кивнув на приземистое кирпичное здание, обрадовался Алтуфьев. – Очень хорошо.

– Еще и рюмочная имеется, – оперативник махнул рукой. – Там, за аптекой. И чайная. А эта вот, красная, – ветлечебница. Там дальше – архив, библиотека...

– А училище механизаторов где?

– Это за школой. В конце города.

Пока шли, следователь выспрашивал своего спутника об убитой. Игнат рассказывал – и что знал, и что узнал только что, буквально сегодня.

Лида Кирпонос была девушкой красивой и общительной, ее многие знали, со многими она состояла в дружеских отношениях, и даже больше чем в дружеских.

– И, конечно же, завистницы имелись...

– Ну, не без этого. Кляузы на нее анонимные подавали, жаловались... На собрании как-то пропесочили за внешний вид.

– А что там было не так?

– Ну, дескать, слишком уж модная, – Игнат искоса глянул на следователя и, не удержавшись, хмыкнул.

– Так я тоже модный, – поправив темные очки, весело рассмеялся Алтуфьев. – В Эстонии все так ходят, вот и я привык. Кстати, читал статью в «Юности», дискуссию о ширине брюк? Так там сказано: в соответствии с современной модой нормальная ширина штанины составляет двадцать четыре сантиметра. У меня – двадцать один. Так это в Эстонии сшито!

Конюшня располагалась метрах в двадцати от двухэтажного деревянного здания старой школы, на пологом склоне холма. К двухстворчатым деревянным воротам вела песчаная дорога с накатанной тележною колеёй. На воротах висел

большой амбарный замок.

– Сейчас откроем. – Ревякин вытащил из кармана ключ. – Мы ж тут осматривали.

В распахнувшихся воротах тут же возникла пегая конская морда! Сверкнула зубищами, заржала...

– Тихо, тихо, Пегас. Свои.

Погладив лошадь по гриве, милиционер обернулся:

– Ну, заходите. Это Пегас – школьный мерин. У, старичок... Жаль яблок не принесли – он яблоки любит.

– Кто же теперь с ним? – боком протиснувшись внутрь, поинтересовался Алтуфьев. – Конюха-то я арестую. У вас пока посидит.

– Директор найдет кого-нибудь. Не переживайте, никто Пегаса не бросит. У-у, Пегасище, хороший, хороший... Вон там кандейка Иваныча. Проходите.

– Давай уж на «ты», что ли...

– Угу. Проходи, не стесняйся.

Сильно пахло навозом и еще чем-то кислым – протухшей капустой, похоже. Кислотный запах исходил из большой бочки в углу прилегающего к конюшне помещения с небольшим оконцем, забранном мутноватым стеклом, крепившимся на четырех загнутых гвоздиках. Кроме бочки был еще старый топчан в углу, самодельный покосившийся стол, колченогая табуреточка, а на стене – придавленный кнопками вырезанный из «Огонька» календарь на нынешний, 1963-й, год.

На пыльной столешнице виднелись круглые проплешины

от бутылок и стаканов.

– Бутылки со стаканами мы изъяли. В протоколе отмечено.

– Хорошо. А конюх, значит, добрейшей души человек?

– Мухи не обидит. Правда, как выпьет – может и в ухо дать.

– Понятненько.

Ничего интересного или нового ни на конюшне, ни в старой школе следователь не отыскал – все уже было осмотрено весьма тщательно. Еще бы – убийство! Слава богу, не каждый день случается. Наверное, кому-то со стороны сотрудники милиции и прокуратуры, а также судмедэксперт Варфоломеич могли показаться недобрыми и циничными людьми с каменным сердцем, что, однако, было вовсе не так. Убитую девушку жалели все и переживали вполне искренне... Но одно дело – переживать, и совсем другое – работать, раскрывать преступление.

К вечеру Ревякин отвез следователя на квартиру к своей двоюродной тетке, что проживала на тенистой улице Южной, почти у самого клуба. Определившись с бытом, Алтуфьев явился в отделение с утра пораньше и с ходу допросил кое-как проспавшегося конюха.

– Федор Иваныч, так вы с кем пили-то?

– Дак один...

– Что, всю четверть один выкушали? А в школу зачем пошли?

– Я что, еще и в школу заходил? Хоть убей, начальник, не помню! Хоть на куски режь.

Судя по протоколу осмотра, в кандейке Шалькина нашли бутылку с остатками ядреного самогона такой крепости, что, выпив такого, вполне можно было позабыть все на свете. Еще обнаружили следы волочения... Но это Шалькин объяснил – мешки с овсом самолично таскал, мерина-то кормить надо.

Арестовав конюха, Алтуфьев еще раз перечитал протокол осмотра, а также заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого следовало, что несчастная девушка имела незадолго до смерти половой контакт, причем насильственного характера.

– Ну Шалькин, ну гад! – ругался начальник. – Он еще и насильник!

Пока вырисовывалась одна довольно простая версия: с обеда конюх изрядно выпил, опьянел и зачем-то пошел в старую школу, где стал домогаться Лиды, а получив от ворот поворот, рассвирепел, изнасиловал девушку, а затем в припадке гнева ударил по голове подвернувшейся под руку статуэткой.

Что ж... Скорее всего, так оно и было.

– Да так, так, – майор довольно кивнул. – Чего тут огород городить? В пьянском-то виде не то еще вытворяют! Вон

у нас в Кошкове, в деревне, мужик один жил, дядя Коля Моськин. Золотой мужик! А как-то напился, так троих топором зарубил, а потом полдеревни сжег! Вот так-то. Все водка проклятая. А я всегда говорил: не умеешь пить – не пей.

– Ладно, посмотрим, – задумчиво протянул Алтуфьев. – Пока, похоже, действительно Шалькин. Однако свидетельская база маловата. Надо будет поискать, кого бы еще допросить... Да, а это дело, с нападением на машину, я приостановил.

– Вот, Владимир Андреевич, и правильно! – Верховцев посветлел лицом. – Лучше бы и прекратить вообще. Незачем из-за ерунды «глухаря» на отделение вешать. Не пострадал ведь никто. Из архива ничего не пропало, а что двигатель – так в мастерских починят. Ущерб малозначительный, справку принесли.

– Справка-то справкой, но все равно – автоматическое оружие... – закурив, следователь протянул пачку майору. – Угощайтесь.

– Благодарствую, ныне я свои – покрепче.

Усмехнувшись, Верховцев задымил «Беломором».

– Иван Дормидонтович, а что, у вас в последнее время никаких таких странных краж или грабежей не происходило? – неожиданно поинтересовался Алтуфьев. – Просто интересно.

– Да была кражонка одна... – затянувшись, майор махнул рукой. – По сути, и не кража вовсе. В Доме пионеров ста-

рые фотоаппараты украли. Списанные, на балансе давно уже не стояли. Мальчишки местные. Дорожкин занимался. Если что – у него спросить можно.

Глава 3

Озерск,

начало июня 1963 г.

О жестоком убийстве Лиды Максим узнал от сестры. Русский он уже сдал, теперь у себя в сарайке готовился к литературе и физике: учил стихи да тупо зубрил формулы.

– Я доставал из широких штанин... бесценным грузом... Ах, как там? Достаю! Достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза... дубликатом... дубликатом... Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!

Снаружи слышались чьи-то торопливые шаги, в распахнутую настежь дверь вбежала-ворвалась сестра Катя:

– Слышал новость? Лидию Борисовну убили!

Макс поначалу не понял:

– Что? Кого-то убили? Кого? Лидию Борисовну? Лидию... Да не может быть! Кто тебе сказал? Кто?

Юноша и сам не заметил, как уже тряс сестренку за плечи.

– Пусти! – вырвалась та. – Пусти, говорю! Больно же.

– Ой... Да что там случилось-то? Неужели правда?

– Весь город только об этом и говорит. В старой школе ее... Шалькин, конюх, ударил по голове. Сразу насмерть.

Не дослушав, Макс выбежал на улицу, побежал на площадь, там, на лавке у магазина, сидели знакомые пацаны.

«Может, не так? Может, перепутала все сестрица?»

– Максим, ты новость слышал?

– Лидию Борисовну?

– Да!

У парня в груди похолодело. Он ведь до последнего надеялся, что это не так, что это не Лидию... не Лиду...

Но как так может быть? Убили! Мы же не в Чикаго каком-нибудь, а здесь, у себя, в родной советской стране... И вдруг – убийство! Да еще кого...

Весь день до самого вечера Максим провел в полной про-
страции. Учить ничего не хотелось, просто не лезло в голо-
ву. Бросив учебники, он убежал подальше от всех, на реку,
уселся в зарослях клонившейся к самой воде ивы.

«Лида... Лида...»

– Молодой человек, не подскажите, отсюда в город как
ближе?

Рыбак. Кирзовые сапоги, удочка, кукан с насаженной ры-
бой. Незнакомый, явно приезжий, городской – дачник. Ост-
ренькая «чеховская» бородка, усики, тонкие губы, слегка
примятая шляпа. Интеллигент!

– Так не подскажите, направо мне повернуть или все же
прямо?

– Прямо, – буркнул Макс, махнул рукой и быстро зашагал
по берегу прочь, куда глаза глядят, подальше...

А вокруг поднималась по колено в рост таволга, желте-

ли россыпью мохнатые солнышки – одуванчики, легкий ветерок колыхал ветки ив и вербы, над зарослями шиповника порхали разноцветные бабочки, где-то совсем рядом запела-засвистела малиновка, а в прозрачной воде, на отмели, шумно плеснула рыба.

Вернувшись домой ближе к вечеру, он нехотя поел – мать наварила щей из капустного крошева. Вообще-то Максим их очень любил, но сейчас кусок не лез в горло.

Вера Ивановна даже встревожилась:

– Ты не заболел ли? Или в школе что?

– Да так...

Не доев, молодой человек отправился в сарайку. Улегся, забылся в беспокойном сне.

Очнулся лишь утром. Мать уже ушла на работу, а в сарай заглянула Катя. Серьезная, одетая по-рабочему: подкатанные синие треники, кеды и старая Максцова рубашка.

– Долго спишь! Короче, я в школу, на отработку. Парты будем мыть. Потом красить.

– Успехов в труде!

– Ой, ладно издеваться-то. Я там блинчики испекла... На обед и мама придет, и я. Вместе пообедаем. Ладно, я пошла.

– Ага...

Интересно, когда Лиду будут хоронить? Впрочем, какая разница? Все равно ведь не на озерском кладбище. Она ведь не здешняя – из Тянска. Лидия Борисовна... Лида... Теперь уж не скажет: «Бонжур, камон са ва?» Не напоеет Ива Мон-

тана, не улыбнется лукаво... Нет. Никогда уже. Никогда...

Что же это за сволочь такие дела натворила? Неужели и вправду Шалькин? Обычный, вполне незлобивый дядька. С чего бы так? Водка? Наверное, да.

Макс вспомнил, как Лидия Борисовна впервые появилась в их одиннадцатом «Б». Как поначалу скромненько сидела на задней парте, а урок вела старая «француженка», Маргарита Александровна, по прозвищу Марго.

Как все тогда удивились! Оглядывались, перешептывались. Еще бы – нейлоновая блузка, «бабетта» на голове. Как такую мадемуазель вообще в школу пустили?

А через месяц Марго уволилась, переехала в другой город. А Лидия Борисовна осталась.

– Бонжур, мез анфан!

– Бонжур, Лидия Борисовна.

Как же здорово было! А теперь вот... Ну, как же так? Не верится, что Лиды больше нет. Не верится!

Снаружи, от калитки, послышался чей-то голос:

– Эй, есть кто дома?

Макс неохотно поднялся, выглянул наружу:

– Привет, Женька. А Катька уже ушла. Прямо спозаранку и усвистала.

– Ну и ладно. Можно я зайду?

– Заходи, чего уж. На практику только не опоздай. Блины будешь?

– Нет. А вообще-то давай.

– Тогда жди, сейчас чайник поставлю. Да ты в дом-то проходи, садись.

Женька разулась на крыльце, аккуратно поставив кеды на ступеньку. Точно такая же одежда, что и у сестры: подвернутые треники, клетчатая рубашка с закатанными рукавами.

– Садись, садись, Жень... – Макс вставил в розетку шнур от электрической плитки. Цивилизация! Не какой-нибудь там керогаз.

Даже в Озерске электроплитки далеко не у всех имелись, не говоря уж о деревнях – всяких там Койволах и прочих.

– Тебе с вареньем или с маслом?

– Все равно.

Женька опустила глаза.

«Ишь ты, какая скромница. Интересно, что ей надо-то? Наверное, опять проигрыватель сломался, а сразу попросить починить стесняется. Ладно, пей пока чай»...

– У нас заварен недавно. Катька заваривала. Тебе холодного подлить?

– Нет, я из блюда.

Налив чай в блюдо, девушка смешно вытянула губки, подула... темная челка упала на глаза – синие, большие, блестящие...

– Ты что, плакала, что ли?

– Нет! С чего ты взял?

Как-то слишком поспешно дернулась. Едва чай не разлила.

– А ты сам-то чего не пьешь?

– Так сейчас... На вот, варенье. Черничное. С прошлого года осталось.

– Этим летом тоже черники много будет.

– Ага, – Максим уселся рядом, скосил глаза: – Ты пластинки-то слушаешь?

– Слушаю. Мы иглу новую купили, теперь очень даже хорошо.

«А чего пришла тогда?» – хотел было поинтересоваться Максим, однако не успел...

– Макс, ты про Лидию Борисовну уже слышал, наверное?

«О! И эта туда же!»

– Да уж, слышал, – юноша поник головой. – Вот ведь... Как гнусно все, мерзко!

– Только дядя Федя Лидию Борисовну не убивал! – сверкнув глазами, с вызовом выпалила девчонка.

Макс хлопнул глазами:

– Какой еще дядя Федя?

– Ну, конюх школьный! Он вообще-то не мой дядя – мамин, но мы его дядей Федей зовем. Он хороший, добрый. А как выпьет, всегда спит. Он не мог...

Женька опустила голову и разрыдалась. Горько, безнадежно, с обидой.

– Да ты это... не плачь, – принялся успокаивать ее Максим. – На вот, водички выпей!

– Не мог он, не мог... Думаю теперь – как доказать-то, что

не он? Как помочь? Ничего не придумывается... ничего-о...

Девочка зарыдала еще громче.

«Эх, не зря, видно, в детстве Горемыкой прозвали».

– Да не реви, говорю! Хочешь, вместе подумаем? Давай?

– Давай! Только ты... Ты тоже считаешь, что это он?

Подняв голову, Женька с подозрением глянула на Максима. Пышные ресницы ее дрожали, по уже успевшим загореть щекам текли крупные злые слезы.

«Красивая девчонка, – неожиданно для себя вдруг подумал Максим. – Будет. Когда чуток подрастет».

– Э-эй, хватит плакать! Договорились же.

– Ага...

Девушка послушно успокоилась, утерла слезы носовым платком.

– Знаешь, – негромко произнес Макс. – Очень может быть, что и твоего дядьку тоже подставили. Как вот недавно – меня.

– А, ты про тот случай, с фотиками? – вспомнила Женька. – А я вот не верила, что это ты. И сейчас не верю.

– Ты-то не веришь. А другие? – Макс обиженно засопел и набычился. – По всему городу слухи ползут – Мезенцев Максим на старый хлам польстился! Вор! Фу как мерзко!

– Вот и дядю моего, может быть, кто-то так же...

– Да понятно, – Макс шмыгнув носом и признался: – Я вот, к примеру, очень хочу разобраться. Кто это надо мной так нехорошо подшутил и зачем?

– Подшутил, – хмыкнула гостья. – Скажешь тоже! Тут не шутки уже.

– Согласен! – с азартом выпалил парень. – И я слово себе дал: обязательно во всем разберусь. Сперва хотел – сразу после экзаменов. А теперь вот думаю – время терять нельзя.

– Ой, у тебя же экзамены, правда!

– Ничего! Не помешают. А вдруг за это время еще кого-нибудь убьют? Как Лидию Борисовну... – Максим поспешно отвернулся, сглотнул образовавшийся в горле комок и продолжил: – Я, между прочим, уже все рассчитал. Смотри. Между экзаменами – по два-три дня на подготовку. Утром и днем я готовлюсь, вечером мы с тобой все расследуем! А то на нашу милицию надеяться... особенно на Дорожкина... Не namного-то он нас и старше! Подумаешь, младший лейтенант!

– Вот именно! – тут же поддержала гостья. В ее глазах, синих, словно высокое весеннее небо, вспыхнула нешуточная надежда.

А как она смотрела на Макса! И раньше-то равнодушна была, а уж сейчас...

– Только, чур, Катьку ни во что не посвящать! – сразу же предупредил Максим. – Она матушке сразу все расскажет, к бабке не ходи. Не умеет она тайны хранить, совсем. Ты же умеешь?

– Умею. Честное пионерское!

– Вот и хорошо. – По правде сказать, возникшая так быст-

ро идея несколько отвлекла парня от прострации и грустных мыслей. Идея эта требовала действий и тщательного планирования.

– Значит, мы вот как с тобой поступим... – Максим задумчиво заходил по кухне. – Во-первых, нам нужно определить секретное место для встреч. Дома Катька, при ней ничего обсуждать нельзя! Во-вторых, составить план. В-третьих...

– Предлагаю на Маленьком озерке встречаться, – быстро выпалила Женька. – Там кругом лес, и озерских нет почти никого. К тому же до школы недалеко.

– Отлично! – Максим уже что-то прикидывал в уме. – У тебя велик есть?

– Есть. Правда, старый.

– Плевать. На ходу? Если нет – починим.

– Ой! – обрадовалась девчонка. – Вот было бы хорошо.

– Починим, починим, – обнадежил Макс. – И это... запомни. На людях держимся по отдельности. Чтоб никто ничего не заподозрил!

– Само собой! – Женька сверкнула глазами.

Злые слезы ее давно уже высохли, а в сердце зародилась надежда. Да что там надежда – уверенность! Да и Максиму снова захотелось жить.

* * *

– Значит, с кем пил, ты не помнишь? Хорошо, тогда скажи

– что пил?

Алтуфьев снова допрашивал конюха. Пока в качестве подозреваемого, а уже скоро нужно будет предъявлять обвинение. А на основании чего? Что потом в обвинительном заключении писать?

Хорошо хоть экспертиза все подтверждала. Пальчики-то на статуэтке – Шалькина! Значит, он и убил, больше некому.

Однако начальство сразу спросит про свидетельскую базу. Ведь не в космосе этот чертов конюх жил, и не в космосе все происходило, где из свидетелей разве что Белка со Стрелкой да еще куча инопланетян, про которых Володя читал в фантастических книжках. Очень он подобное чтение уважал.

Но Озерск – не космос... отнюдь. Обязательно кто-то что-то видел – хотя бы как, когда и в каком состоянии конюх на работу пришел. Ну и, может быть, видели и того, кто принес злосчастную четверть? Бутыль изрядная, такую точно бы заметили.

– Так это... самогон пил... Один... Потом пришли... ну, эти... я уж и не вспомню...

– Один? Целую четверть?

– Дак там на доньшке было...

– «На доньшке-е» – передразнил следователь. – А кто ее принес, четверть-то твою?

– Так это... я и принес. Привез. Вот на Пегасе и привез, в телеге, да... Положил в телегу, на солому, и привез. А чего добру пропадать?

Невысокий, коренастый, крепкий, с круглым добродушным лицом, обрамленным рыжеватой бородкой, Федор Иванович Шалькин производил самое благоприятное впечатление. И это – несмотря на стойкий запах ядерного перегара!

Одет хоть и бедновато, но чистенько – застиранная гимнастерка, такие же брюки-галифе, сапоги, однако же, дорогие – яловые. В руках подозреваемый мял серую кепочку, все остальные вещи перед посадкой в камеру были у него изъяты. Ремень, трофейные швейцарские часы с треснутым стеклышком, перочинный ножик.

Интересно, пьяница-то пьяница, а часы не пропил. Часы хорошие, дорогие, а треснутое стекло заменить недолго. Если был бы уж совсем алкаш конченный – пропил бы их давно. Значит, не конченный, не совсем алкаш. Так, бывает, сорвался человек... А причина?

– Самогонку ты где взял? Только не ври, что сам нагнал.

Обыск в скромном жилище конюха уже был проведен – ничего, стоящего внимания, обнаружено не было. Супруга Шалькина умерла сразу после войны, детей у них не было, вот и проживал конюх в полном одиночестве в небольшом – два окна по фасаду – домике, или, лучше сказать, избенке на улице Северной, невдалеке от почты и магазина ОРС.

Небольшой огородик (большие-то сейчас запретили держать), дровяник, в избе – обычная деревенская мебель, большей частью самодельная: комод, шкаф, табуретки-скамей-

ки. Фабричная – только кровать. Большая, с никелированными шариками и продавленной панцирной сеткой, верно, еще дореволюционная. На стене – большой портрет покойной жены и фронтовые фотографии в большой черной рамке. Однополчане. Да, Шалькин воевал и на фронте от пуль не прятался. Награжден медалями. «За отвагу», «За взятие Будапешта»... Там, в Венгрии, Шалькин свой боевой путь и закончил – контузило, попал в госпиталь, а затем был комиссован вчистую. Биография вполне героическая. Впрочем, сколько их таких...

Алтуфьев не поленился, безо всяких запросов лично посетил местный военкомат, покуда тот не переехал. Там все про Шалькина и узнал. Фронтовик. Можно сказать – герой. Обычная по тем временам биография. Воевал, вернулся контуженым... Контузия! Вот! Может быть, все случившееся – это ее последствия?

Выпил, увидел в окно красивую молодую девушку. Вот и компания! Почему не поболтать? Изрядно уже пьяненький зашел в старую школу. Там – одна Лидия. Жарко, девчонка одета легко, по-летнему – юбка, блузка... Еще и прическа – «Бабетта идет на войну». Такие прически в деревне развратными считаются. Ведь понятно же, если девчонка такую прическу носит – значит, всем дает, короче – шлюха. Так и на улице в спину могли крикнуть, даже если волосы просто распущены по плечам. У честной девушки, ясно всем, косы должны быть. Или завивка на бигудях. А уж коли «бабетта»

и прочие вавилоны на голове...

Вот и взалкал Шалькин после самогонки-то! Вот кровь-то и възграла. Нет, поначалу, наверное, все мирно-хорошо было... А потом... Потом лапоть начал, с приставаниями полез. Лида ему – от ворот поворот, вот он ее и статуэткой...

Кстати, два раза удар нанес. Так в судебно-медицинском заключении сказано. От первого удара девушка лишь сознание потеряла... вот тогда, похоже, ее и изнасиловали. А потом добили. Так вот расчетливо и цинично все и было.

Хм... Что-то на пьяный эксцесс не очень похоже. Хотя, так сказать, в процессе девчонка вполне могла и очнуться, сопротивление оказать. Вот тут ее еще разок и приложили. Теперь уже смертельно.

Ну да, отсюда и синяки, и царапины. Вон на левой руке, на запястье. На запястье... Похоже, будто часики сдернули. Проверить, не забыть!

И что, Шалькин все это сделал? Фронтовик и добрейшей души человек, как о нем тут все отзываются. Так-то оно так, но ведь он же контуженый. Да еще и выпил немало. Вполне мог контроль над собой потерять. Или не мог? Да что тут гадать – психиатрическую экспертизу назначать надо! В Тяньск ехать, с психиатрами договариваться, заодно смену белья взять и обратно – на мотоцикле. А то от общественного транспорта зависеть – не наездишься. На автобусе-то до Тяньска два с половиной часа трястись да каждому столбу кланяться. На мотоцикле – часа полтора, запросто! Быстрее

да и приятнее, особенно в такую жару.

– Командир... – негромко попросил Шалькин. – Дозволь сапоги переобуть. А то портянки словно черти наматывали!

– Переобувай.

Лично водворив подозреваемого обратно в камеру («Посиди, подумай!»), Алтуфьев заглянул в кабинет к оперу – того на месте не оказалось. А вот участковый был, как раз только пришел, весь потный...

– Игорь, ты мне список обещал. Тех, с кем Шалькин общался. Друзья-приятели, родственники и все такое.

– Ой! – Дорожкин схватился за голову. – Совсем забыл. У нас тут рейд по самогоноварению. С утра в деревнях четыре аппарата изъяли! А список я напишу, вот прямо сейчас и сяду.

– Хорошо. Слышь, а Игнат где?

– Спозаранку с начальником в Тянск укатали. Новый мотоцикл на отделение получать. «Эм шестьдесят два»! Ну, типа БМВ что-то... Говорят, зверь, а не машина!

– А опер там зачем? – удивился следователь.

– Так он у нас за технику отвечает. А я – за культмассовый сектор.

– Ага, вот, значит, как... Ну вот что, культмассовый сектор, ты мне список не забудь. Автобус на Тянск когда?

– В двенадцать тридцать.

Удивительно, но на полуденный рейс до Тянска подали шикарный автобус, просто невероятно шикарный для здешних мест. Серебристый, похожий на космический корабль ЗИС-127, такие обычно использовались на рейсах Ленинград – Таллин, как раз через Нарву шли. Эх, Нарва, Нарва...

Усевшись в мягкое кресло, Алтуфьев и не заметил, как задремал. Проснулся уже на автовокзале, в Тянске.

Покинув транспорт, следователь сразу же направился в прокуратуру, так было быстрее, нежели тащиться домой на служебную квартиру через три квартала. Тянск, конечно, не Озерск, городской транспорт там вообще-то ходит... только вот пока его дожدهмся!

Новый начальник Алтуфьева, прокурор Тянского Сельскохозяйственного района товарищ Тенякин, к затее с психиатрической экспертизой отнесся неодобрительно:

– Владимир Андреевич, ну что тянуть-то? Там в деле, насколько я понимаю, ясно все изначально. Добейте вы этого – как его? – Шачкина, и дело с концом. Пусть признанку напишет.

– Так, Сергей Афанасьевич, на одной-то признанке в суд – сами знаете... Хорошо бы свидетельскую базу собрать.

– Вот! Собирай!

Прокурор – грузный пожилой мужчина в синем расстегнутом мундире и белой рубашке с галстуком – вытер платком обширную лысину и потянулся к стоявшему на столе графи-ну:

– Ох и жарыща стоит... Водички?

– Да, с удовольствием. Спасибо, Сергей Афанасьевич.

– Пейте, пейте. А с делом тем не возитесь! У нас Прощенков по графику в отпуск уходит... Вот вы за двоих и будете работать. А свидетельскую базу – да, подбейте. Как там с экспертизами дела? Версию подтверждают?

– Да вроде да.

– Что значит «вроде»? – нацепив на нос очки в коричневатой роговой оправе, прокурор стал похож на строгого школьного учителя. – Недели вам хватит?

– Так одна экспертиза же десять дней! Пока еще доберутся... или самим везти.

– Хорошо – две! А экспертизу сегодня же и назначьте. Коль уж она вам так нужна. Ладно, согласен – для суда у нас всякое лыко в строку!

– Вот постановление, Сергей Афанасьевич. Подпишите.

– Приготовили уже? Молодец! – прокурор окунул в чернильницу перо и, подписав, вскинул глаза на Алтуфьева: – Подозреваемого советую на экспертизу все-таки привезти. А то пока они там в Озерск соберутся. Они ж медицина – нам не подвластны.

– Спасибо, Сергей Афанасьевич, так я и сделаю.

На самом деле Алтуфьев именно так и собирался сделать: всегда лучше доставить подозреваемого на место, нежели целую комиссию врачей. Постановление подписано, с врачами еще с утра по телефону договорился, как раз на послезавтра.

С местными вопросов быть не должно – доставят.

Казенная квартира располагалась почти на самой окраине города, на пятом этаже возведенной лет пять назад пятиэтажки. Вполне еще новая, необжитая, обставленная казенной мебелью и пока еще без телефона. Мебели, правда, маловато: обеденный стол, пара стульев, койка и несуразно огромный шкаф с инвентарной биркой.

Полки для книг Владимир Андреевич прибил уже сам, пока что они оставались полупустыми: с момента переезда стопки книг так и стояли в углу неразвязанные. Чехов, Достоевский, Толстой, много фантастики – Беляев, Казанцев... даже новенький сборник «Фантастика-62». Этот не худо бы забрать с собой в Озерск, вдруг дело затянется?

Да. Но сначала – позвонить. Обязательно позвонить, из Озерска неудобно было да и некогда. Или просто – страшно? Просто позвонить, напомнить о себе, а уж там – как сложится. Просто позвонить... Или все же в Озерске? Нет! Вот прямо сейчас, сегодня! Сколько можно откладывать? В конце-то концов...

Наскоро приняв холодный душ – горячей воды в Тянке летом не бывало никогда, – Владимир Андреевич растерся махровым полотенцем, крякнул, выпил купленный по пути кефир и, натянув брюки и синюю спортивную блузу, бегом спустился по лестнице.

Хорошо, что дом на окраине, – легко удалось арендовать гараж для «Восхода». Выкатив мотоцикл, Алтуфьев аккумуля

ратно затворил двери и, набирая скорость, поехал в центр. Громко трещал двигатель. Ветер дул в лицо. Хорошо! Приятно!

Вот и четырехэтажное здание с большим кумачовым лозунгом: «Планы семилетки – досрочно!» Главпочтамт.

– Девушка, мне бы Таллин.

– Шестая кабина. Ваш номер? Ожидайте...

Владимир сел, нервно забарабанил пальцами по лавке.

– Таллин. Кабина номер шесть. Проходите, товарищ!

Небольшая кабинка, телефон без диска. Черная эбонитовая трубка.

– Алло! Алло! Это милиция? Ага... Старший следователь прокуратуры Алтуфьев, Тянск. Мне бы Марту Яновну Кюйд, следователя. Спасибо. Жду... Марта? Марта! Это я, Владимир. Тере!

Что-то щелкнуло в трубке. Разговор прервался, так толком и не начавшись.

– Девушка! Девушка! – раздосадованный, Алтуфьев распахнул дверцу. – Почему прервали разговор? Все же оплачено! Как – не вы? Что-что? Ах, там положили трубку...

* * *

Ровно в семнадцать ноль-ноль Максим был на площади. Остановился за промтоварным магазином, но с велосипеда не слез. Ждал. В семнадцать ноль две на Советской около

книжного магазина «Лентагиз» появилась Женька. Тоже на велосипеде, в черных спортивных трусах с белым кантом и в синей майке «Динамо». Никто не удивился – Женьку знали как спортсменку. Она и в велокроссе участвовала, и бегала, и прыгала – значкист ГТО!

Оглядевшись вокруг, юноша махнул подружке рукой, та ответила – тоже помахала, мол, вижу. Помахала и, нажав на педали, скрылась за поворотом. Лишь мелькнули белая парусиновая сумка да черные волосы, аккуратно подстриженные в каре. Не косы, но... спортсменкам можно. Это не «бабетта» и не «колдунья» какая-нибудь!

Немного выждав, Максим поехал следом и минут через двадцать оказался на берегу лесного озера, у Михайловских мостков, названных так по расположенной рядом одноименной деревне.

– Привет! – Женька уже забралась в лодку, уселась на нос и даже попыталась ухватить кувшинку... не дотянулась и просто брызнула водой на парня. – На весла садись. Поплыли.

На корме, под скамеечкой-банкой, виднелись ее сброшенные кеды.

– Ты бы лучше на корму перебралась, – выгребая из камышей, обернулся Макс. – А то как же мы разговаривать будем? Неудобно как-то... спиной-то.

Девушка послушно перебралась на корму, едва не упала – хорошо, Максим поддержал, подхватил за талию.

– Рубашку-то сними – жарко, – поудобней устроившись на корме, девчонка вытянула загорелые ноги и, закатав майку, завязала на животе узлом. Потянулась, прищурилась:

– У меня вот тетрадка... – Женька вытащила из сумки толстую клеенчатую тетрадь. – Тут все записывать буду. Чтобы не забыть.

– А если кто прочитает? – озаботился Макс. Снял рубашку, бросил напарнице:

– Держи. Эх, намокла...

– Да высохнет, – девушка беспечно засмеялась и, нагнувшись, опустила руку в воду. – Теплая... Можно будет искупаться. Я тут знаю одно местечко... Вон к тем ивам гребни!

– Говорю, может, не надо ничего записывать? – послушно развернув лодку, повторил Максим.

Женька лишь отмахнулась:

– Прочитают, говоришь? Да кому мы нужны?

– Вообще-то да, – согласно кивнул Максим, вдруг поймав себя на мысли, что почему-то он во всем соглашается с этой мелкой девчонкой, даже вот вроде бы в мелочах. Выходило, что она как-то исподволь, тихой сапой стала в их тандеме главной? Почему? Понравилась, что ли? Вообще-то Женка – девчонка ничего, симпатичная, красивая даже. Но вот... соплячка же, еще совсем маленькая. Ишь, сидит, сверкает глазищами своими синими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.